

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Олег ДАНИЛЬЧЕНКО

МИГЕРА

ЗАДАЧА — ВЫЖИТЬ

Путь наверх долг и труден

Олег Викторович Данильченко
МиГера. Задача – выжить
Серия «МиГера», книга 1
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69090622

*МиГера. Задача – выжить: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; М.; 2023
ISBN 978-5-17-154379-2*

Аннотация

С самого раннего детства Мила Герасимова не жила, а выживала – вопреки всему. Она едва не сгорела в огне, потеряла родителей, её пытались убить. Однако благодаря обитателям свалки она выжила и стала одной из них.

Попасть на это дно несложно, а вот вырваться – для большинства едва ли возможно. И сидеть бы ей среди отвалов мусора до скончания века, но душу терзала жажда справедливости. Почему подобное произошло с ней?! За что?! Да и карьера уличной побирушки ничуть её не прельщала. Хотелось совершенного иного – выбраться наверх, туда, где ярко и призывно сияют звёзды. Туда, где живут те, кто в одночасье

разрушил её жизнь, лишив любящих родителей и счастливого детства.

Она обеспечит им лучшие места в аду – самые жаркие! Надо только добраться до них. А чтобы это стало возможным, её задача – выжить, ибо путь наверх долг и труден.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	25
Глава 2	41
Глава 3	59
Глава 4	76
Глава 5	93
Глава 6	112
Глава 7	130
Глава 8	150
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Олег Викторович

Данильченко

Мигера. Задача – выжить

© Олег Данильченко, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Едва слышный звук известил о том, что конденсатор принял необходимый для выстрела заряд из основной батареи. Чтобы убедиться в этом, бросаю короткий взгляд на индикатор – так и есть, шкала полностью зелёная. Не то чтобы это было необходимо... просто привычка. А так я давно уже научилась ориентироваться по слуху.

Пора. Полувдох, задержка, процесс доведён до автоматизма. Пальцем оглаживаю спусковой крючок. Ну, насколько это позволяет прорезиненная поверхность перчатки моего скафандра. Плавно потянула – ружьё совсем немного вздрогнуло, а по ту сторону прицела эрг, трубно взревев, резко развернулся. Но это было последнее, что он успел сделать. Конденсатор набирает заряд быстро, и ружьё снова готово. Следующая пуля угодила точно в глаз.

– Растяпа, блин!!! – шепчу сама себе, продолжая наблюдать через визор прицела, как мощные ноги подогнулись и примерно трёхтонная туша сунулась мордой в склон холма, на котором в изобилии произрастала сочная, изумрудного цвета трава.

Злюсь на саму себя. Потому что жаба душит. Лишний выстрел – это почти тысяча имперских кредитов на ветер. Руки оторвать и в задницу вставить, где им самое место. Но что сделано, то сделано. Некогда убиваться из-за лишней тыся-

чи, выброшенной на ветер. Работать надо. Эрги сами себя не застрелят.

Стадо прянуло в сторону. Инстинкт самосохранения гнал животных подальше от места, где их косила невидимая смерть. Но прежде чем они скрылись из виду, успеваю сделать ещё три результативных выстрела, заставив столько же молодых «коров» рухнуть неподалёку. На этот раз справилась на сто баллов: один выстрел – одна туша. Отлично. Настроение начинает возвращаться в норму. На сегодня хватит.

Жалко, конечно, этих красивых и сильных животных. Но ничего не поделаешь. Выбор стоит так, что либо они умирают – я становлюсь на шаг ближе к закрытию контракта, либо они живут, а я... Вот у меня вариантов больше. Могу сдохнуть, могу дальше как-то жить, но в любом случае с Экзотта сбежать не получится. Единственное условие, которое позволит покинуть планету, – полное выполнение контракта с корпорацией, как бы «работодателем». Так что увы и ах. Между эргами и мной я выбираю себя любимую. Слишком много отдать долгов надобно, а находясь здесь, этого не сделаешь.

Можно было бы подстрелить ещё пару-тройку, но это лишнее. Негласное правило охотников, которое было обязательным к исполнению, гласило: не бери больше, чем можешь унести. Успеть бы этих до темноты разделать и упаковать, день уже на исходе.

Откровенно говоря, охотиться именно сегодня совсем не

собиралась. Место в грузовом отсеке ещё есть, конечно, но как бы перегруза не случилось, что не лучшим образом скажется на характеристиках летуна. Пожадничала. Однако уж больно удачно стадо на пути подвернулось. Да хорошее такое, жирное. Грех не воспользоваться удачей. Ибо удача промысловика – дама ветреная и обидчивая. Обидеть легко, задобрить сложно. Давно и не мной замечено: проигнорируешь такой подарок – заманаешься потом искать нормальную дичь. Так что суеверия – дело такое: все смеются и тем не менее лишний раз стараются не искушать эту такую переменчивую деву.

Ну да ладно. Теперь начинается самое сложное и муторное, бляха муха. Потому что грязное, монотонное и опасное. Однако что поделать? Работа есть работа. Тяжелый вздох сам собой вырывается из груди.

– Пчёла, ко мне, – отправляю голосовое сообщение на искин летуна и начинаю не особо спеша сворачивать лёжку. Не спеша потому, что таким вот образом оттягиваю начало неприятной, давно опостылевшей работы.

Через пару минут машина (которую любой землянин, живший двести пятьдесят лет назад, в конце двадцатого или в начале двадцать первого века, опознал бы как квадрокоптер, только очень большой), гудя четырьмя импеллерами, вздымая кучу пыли пополам с вырванной травой, плавно опустилась рядом, зависнув в полуметре от поверхности. «Пчёла», по правде сказать, на самом деле не квадрокоптер,

но работает по аналогичной схеме. Просто вместо пропеллеров стоят турбоимпеллеры, создающие реактивную тягу, используя исключительно атмосферу планеты. Но вообще очень похоже.

Сдвигается дверь, открывая доступ к шлюзу. Ладно, чего уж там! Харе булки мять. Цепляю тяжёлую бандурину ружья одной рукой, скатку – другой. Опа! Запрыгиваю на площадку, дверь закрывается, отсекая тонкой перегородкой меня от Экзотта. Загудела система очистки и обеззараживания. Организм, понятное дело, давно привит от местной микроскопической злобной нечисти, но сами понимаете: бережёного Бог бережёт. Оно ведь как: сама о себе не позаботишься – потом неделю с температурой под тридцать восемь работать. Прививки могут лишь защитить от летального исхода болезни. А всё остальное как обычно. Незабываемые ощущения гарантированы.

К тому же норму дневной выработки никто не отменит. Понятно, что отлежаться дадут и даже лечение предоставят на базе, если совсем неспособен станет. Вот только потом потребуют полуторную норму за каждый вынужденный день простоя, пока не закроешь долг по этой самой норме, не говоря уже о том, что лечение тоже ведь совсем не бесплатное. Очень-очень не бесплатное. Короче, ну его на фиг – болеть.

А всё почему? Да потому, что господа имперцы столкнулись с нашим земным, а точнее русским менталитетом, когда начали вербовать землян на контракт. Впрочем, не стоит

всех землян одним аршином мерить. Вот те же немцы (они себя теперь германцами называют) – народ законопослушный, их менталитет от имперского, собственно, мало чем отличается. Англы тоже примерно такие же в этом плане. Да много кого перечислить можно.

Зато славяне, а конкретно русскоязычные, в своём репертуаре. Как было раньше, до выхода в большой космос, в смысле «авось» да «как-нибудь», так и осталось. Никуда не делось. Правила безопасности? Не, не слышали. Хоть миллион инструктажей проведи – без толку. Всегда найдётся любознательный кретин, желающий проверить на себе целесообразность соблюдения прописанных правил. Ну и проверяли... Ну и допроверялись... некоторые.

Регулярно случается нечто подобное. Уже не раз и не два было, когда половина работников промышленного опорного пункта на карантин укладывались по вине таких идиотов, валяясь пластом вместо того, чтобы работать в поте лица, принося тем самым прибыль корпорации, а заодно и себе любимым приближая долгожданное окончание контракта.

Вот и получается, что планетарной администрации, представляющей здесь корпорацию «Биорес», приходилось принимать жёсткие меры, дабы образумить. Они (я про меры) и изначально-то не больно мягкими были, а потом так и вовсе драконовскими стали. Самое главное, что меры эти коснулись всех, а не только виновников. За что нас, в смысле славян, в промышленной среде с некоторых пор недолюбливают.

Имеется в виду, в среде промышленного люда.

Администрации-то как раз пофиг. Она сидит под защитным полем Центральной планетарной базы (ЦПБ). Ей что? Главное, товар везите, пусть и в минимально необходимых объёмах, а там – хоть трава не расти. Ну что поделатъ, если некоторых идиотов иначе убедить не получается? Так что правило полуторной, а иногда даже и двойной нормы за простои, по сути, введено благодаря врождённой безалаберности и тому самому русскому «авось».

С другой стороны, мне и самой иногда эта имперская законопослушность поперёк глотки становится. Нет, ну правда, порой даже чересчур бывает. Однако в данном случае вынуждена согласиться: законопослушность скорее благо. Потому что знаменитый русский «авось» на Экзотте не пляшет. Вот совсем. То есть абсолютно. Чуть зевнул – и труп. Планета умеет убивать идиотов, такие тут не задерживаются. Точнее, задерживаются, только уже... навсегда.

Скатка заняла место на полке. Охотничье ружьё встало в специальную выдвижную «пирамиду», в нём пока нет больше надобности. Если что случится, крутиться придётся быстро и стрелять тоже. Эта убойная бандура для манёвренного боя не подходит: громоздкая и сильно длинная. А вот два тяжёлых армейских игольника, заряженных вперемежку бронебойными и разрывными иглами, всегда с собой. Сама переснаряжаю магазины, мне это даже в удовольствие где-то. Сидишь, вталкиваешь пальцами иглы, а голова о своём

думает.

Иглы россыпью-то не продаются, только в уже снаряжённых обоймах. И при этом никогда смешанными сразу не бывают, исключительно одного типа. Но ерунда это. Долго ли вручную переснарядить? Нет ничего лучше для успокоения души – почти медитация, если кто понимает. Ну и жизненная необходимость, конечно. Причём в прямом, а не переносном смысле. На Экзотте разве что в пределах купола Центральной планетарной базы можно расслабиться или под надёжными сводами ПОП (промысловый опорный пункт), и то относительно. Во всяком случае, стрелковое вооружение и там и там запрещено к открытому ношению.

Пирамида скрылась внутри переборки транспортного средства. Скафандр снимать рано. Впереди работы непочтый край. Четыре шага – и вот оно, кресло пилота, скорее ложемент даже. Места мало, машина упакована очень плотно. Из свободного пространства – узкий коридорчик, вот в эти самые четыре шага. Поэтому даже место пилота выглядит как вставшие на дыбы носилки. Просто поворачиваешься к ним спиной, прижимаешься, специальные крепления входят в пазы на скафандре, фиксируя хозяина. Затем конструкция разворачивается по ходу движения корабля и только потом трансформируется в собственно ложемент, в котором пилот находится почти лёжа. Рассказывать долго, но так-то всё очень быстро происходит.

М-м-мда-а-а! Летун! Более неуклюжей с виду машины,

пожалуй, и не найдёшь нигде. Но не стоит обманываться. На самом деле техника очень хорошая, просто проектировалась под определённые цели. Да, пусть он напоминает внешними обводами цистерну, немного заострённую спереди, там, где кабина, но тем не менее летает вполне сносно – для своих задач.

А так даже вот сравнить не с чем, чтобы точнее пояснить. Хотя ежели кто увлекается древними фильмами, времён двадцатого – начала двадцать первого века и видел обводы пассажирских самолётов того времени, тот поймёт. Если обрезать часть фюзеляжа такого вот самолёта (метров двадцать пять примерно вместе с кабиной), как раз один в один выйдет. Ну а кто никогда не видел тех фильмов, легко может посмотреть, если в галонете забьёт в поисковик фразу «старое кино».

Так вот, к этой цистерне прикреплены четыре турбоимпеллера на электрической тяге, как у того самого квадрокоптера. Два спереди – слева и справа – крепятся на пилонах, а следующая пара расположена сзади и чуть выше, так, что бочка фюзеляжа висит под ними. Кстати, два задних импеллера мощнее и, соответственно, больше по габаритам, нежели передние, потому что при полной загрузке грузового отсека именно на них приходится основная масса.

Причём высокое расположение двигателей относительно корпуса машины – это не блажь совсем. Просто для тех задач, для которых машина предназначена, так оказалось удоб-

ней. Кроме того, расположение задней пары импеллеров выше рабочей зоны передних даёт возможность разворачивать все четыре движителя почти горизонтально поверхности, что, в свою очередь, позволяет развивать приличную скорость, невзирая на практически полное отсутствие аэродинамических свойств всей конструкции.

Ну и в дополнение ко всему прочему имеются три простейших антиграва. Два сзади, установлены в днищевой части, и один впереди. Почему простейшие? А потому что их предназначение сугубо вспомогательное. В них нет функции сёрфинга. Работают только на подъём, для компенсации груза и веса корпуса. Конструкция простейшая, но тем не менее позволяющая неуклюжей машине летать и перевозить на борту приличное количество груза и оборудования.

В кормовой части имеется крышка грузового трюма, внутри которого размещается оборудование шоковой заморозки и, собственно, хранится добытый груз – в спрессованном виде, конечно же. Исключительно мясо и ценные органы, кости никому не нужны. Разве что рога да копыта (если добыча травоядная), зубы некоторых хищников или бивни, буде такие имеются. Но эти вещи крепятся, как правило, снаружи. Потому что внутри грузового отсека хранится исключительно самое ценное. А это именно некоторые органы и мясо. Остальное так, по желанию. Можно брать, а можно бросить, что, в принципе, и происходит повсеместно. Потеря невелика.

Рога, копыта, зубы, бивни и такое прочее идёт на сувениры, которые вроде бы – по слухам – хорошо расходятся в Центральных мирах империи. Но платят за сырьё так себе, примерно сотня кредитов за килограмм. Нет, понятно, что курочка по зёрнышку клюёт, но возни много – выхлопа мало. Оно надо? Вот если заказ какой срочный, тогда и цена нормальная. А когда знаешь, за что работаешь, вроде и не так чтобы в тягость.

Но вот ложемент занял рабочее положение. Происходит подключение искина к интерфейсу личной нейросети.

– Пчёла, что тут у нас? – задаю вопрос голосом, хотя и без того прекрасно вижу результаты телеметрии – снаружи никого, если не считать клубы пыли от удаляющегося стада эргов.

– Тихо, командир. Можно работать.

– Ага, вижу. Давай к месту. Всё по схеме.

С небольшим наклоном на нос летун двигается к валяющимся тушам и зависает над самой крупной.

– На позиции. Пугалка и силовая штора активны. Грузовое устройство готово к работе. Сброс коробов шоковой заморозки произведён. Охранные турели – товсь.

Эх, жаль, что не получилось установить разведывательный модуль с четвёркой дронов сразу. Правда, на моём трофейном скафандре имеется уменьшенная копия. Можно сказать, повезло: предыдущий хозяин раскошелился. Но он маломощный, модуль в смысле. Мобильная, так сказать,

версия. И дроны, в нём обитающие, соответственно, малипусенькие. Тоже, если задуматься, подспорье приличное, но полноценного аналога, установленного на машине, очень не хватает. Там и радиус действия должен быть выше на порядок, а то и два, да и оснащены летучие гаврики намного серьёзней, чем моя мелюзга.

Впрочем, энергетический ресурс также раз в десять больше по сравнению с имеющейся мелочью. Кроме того, четыре летучих помощника, что разместились в специальной нащёлке на правом плече, подчиняются непосредственно искину скафа. Но если честно, я ими почти не пользуюсь. Потому что сложно и работать, и отслеживать окружающую обстановку. А «Пчёла» к ним доступа не имеет.

При желании, если заморочиться, конечно, можно было бы переподчинить. Да толку будет всё одно немного: слабые они, дальше пяти километров не работают. А на таком расстоянии искин летуна и имеющимися следящими инструментами вполне справляется. Для того, собственно, и намылилась на ЦПБ, чтобы закрыть этот досадный пробел. Давно пора оснастить своего летуна полноценным разведывательным модулем.

– Спасибо, Пчёла.

Такая вот игра у нас. Когда работаешь в одиночку, как я, чтобы не разучиться разговаривать вообще, приходится с кем-то тренировать разговорные функции. Искусственный интеллект – самый тот кандидат. У большинства промысло-

виков такого нет.

Снова ложемент становится в вертикальное положение и разворачивается. Пора на работу. Она начинается только сейчас. До этого так, семечки. Подстрелить эрга – самое лёгкое. Бли-и-ин, как же неохота. Надоело до чёртиков. Но деваться некуда. Как говорилось в одном из тех же древних фильмов: «Надо, Федя, надо».

Четыре шага – и шлюз. В обратном порядке всё происходит быстрее. Труба шлюза провернулась. Снова здравствуй, Экзотт, глаза б мои на тебя не глядели! Беру из специального инструментального отсека, что располагается снаружи, эластичный трос, уже привычно затягиваю по петле на задней ноге каждой огромной туши и каждую привязанную ногу цепляю на отдельный гак. Их как раз два, намертво прикрученных к наружной части днища машины. И когда туша повиснет в воздухе, поднятая Пчёлой, ноги расшеперятся, словно у трудолюбивой продажной девки под клиентом. Сравнение так себе, но зато работать удобно.

– Вира помалу.

Тональность работы импеллеров изменилась, тросы натягиваются. Вот задние ноги огромного чудовища начали задираться вверх. Длина туши, если полностью вывесить, составит примерно, на глаз метров шесть – шесть с половиной. Но в таком разе обработать её не получится. На такую высоту я при всём желании не подпрыгну, а уж зависнуть на необходимой высоте тем более не смогу. Как-то вот не повезло

научиться летать. Поэтому делать всё придётся постепенно.

– Стоп, Пчёла. Хватит пока. Так зависни.

– Принято, – бухтит искин в наушниках шлема приятным баритоном.

Если говорить откровенно, каждый раз, когда я начинаю кровавую работу, сердце ёкает. Страшно до ужаса просто. Экзотт – мир жестокий. Опасность может появиться в любой момент. А силовая штора хоть и является дальним родственником настоящей боевой защиты, призвана защищать рабочее место исключительно от пыли, поднимаемой работающими импеллерными двигателями. Так что надежда сугубо на следящее оборудование и собственные глаза. Да ещё интуиция порой спасает, причём гораздо чаще, чем собственно электроника. Без хорошо развитого чутья на Экзотте никак. Да и глаза, будем говорить честно, сквозь ту пылюку, что беснуется по другую сторону тонкой защитной плёнки, мало помогают. Одним словом, ни хрена не видно.

Однако страшно тебе или нет, работать-то надо. Значит, засовываем страх поглубже и начинаем. В правой руке – изуверского вида нож. Такие когда-то, на заре звёздной экспансии человечества (имеются в виду земляне), использовали абордажные команды. Идею слямзили у имперцев в Содружестве. И хотя на тот момент военные империи Кадар давно уже отказались от такого, с позволения сказать, «холодного» оружия, земных вояк это не остановило. Видимо, ещё не успели настолько цивилизоваться и хорошо помнили, что

пуля, как водится, дура, а штык, наоборот, молодец.

Вот и этот «клинок», давненько уже доставшийся мне по случаю, был когда-то именно штык-ножом. Им оказалось гораздо удобней орудовать, нежели специальным разделочным инструментом. Он вибрирует мелко, раскручивая режущую мономолекулярную струну.

Работа давно привычная. Перехватила горло – кровь обильно брызнула на землю. Далее дело за малым. В первую очередь разобраться с требухой. Кровавое действо с вываливанием из брюха и перебиранием требухи – минут пятнадцать на всё про всё. Два короба шоковой заморозки полностью забиты ценной добычей. Пчела как раз уже и грузовую лючину открыла.

Вниз скользнул трос погрузчика с магнитным захватом. Минута – и оба короба исчезли в недрах летуна, чтобы через такой же промежуток времени снова оказаться на земле, только уже пустыми. Работа продолжается. Нужно снять шкуру, параллельно с этим срезая с костяка деловые куски мяса. Как закончу с этой громадиной, ещё три ждут. Охо-хо-хо-хо!

Спустя два с половиной напряжённых часа, из расчёта тридцать минут на тушу, наконец всё закончилось. Вот что значит опыт. Правильно говорят: его не пропьёшь. Он либо есть, либо его нет. Хм-м, когда-то мне и двух часов на разделку одной туши не хватало.

Блин, а спина-то не казённая. И это ещё экзоскелет ска-

фандра помогает. Без него вообще никак. Гравитация Экзотта на 0,2 G выше привычной.

– Регистрирую угрожающую активность агрессивной фауны! – сообщает искин летуна.

О! Что-то сегодня слишком рано зашевелились. Однако вовремя управилась. Так-то я знаю, что мелкие падальщики давно уже тусуются неподалёку, да пугалка останавливает. Но сейчас что-то, видимо, особенно засуетились, Пчёла ведь просто так предупреждать не станет. Впрочем, мелкие они, но разве что по сравнению с крупными – человеку хватит. Мелочь размером с крупного земного медведя. Нормально так, да? Правда, от одного такого легко можно отстреляться даже одним игольником. Вот только проблема в том, что по одному они не ходят, всегда стайей, голов в двадцать, иногда даже больше.

Против такой толпы даже двух тяжёлых игольников мало будет. Ещё и бегают, гады, быстро. Очень быстро. Вот они далеко – а вот уже грызануть пытаются. Случись что, защитные турели летуна и те не успеют всех на ноль помножить, по-любому несколько особей да доберутся. Они вообще мало кого боятся: стая есть стая. И если уж начали суетиться, жди беды. А это не хорошо.

И тут два варианта. Первый – сильно голодны. В таких случаях могут проигнорировать даже пугалку. Она, конечно, им неприятна и заставляет до поры до времени держаться на приличном отдалении, но именно до поры. Бывает так, что

и она, в смысле пугалка, не помогает. Голод, как говорится, не тётка. Второй вариант и вовсе плохой. Ожидающие своей доли могли почувствовать приближение более крупного и опасного хищника. Тогда тем более надо поторапливаться. Бывало, приходилось бросать законную добычу, едва начав разделывать, если на неё заявлял права тот, кому не откажешь.

Например, виверн. Такие в этом регионе чаще всего встречаются. Это некая помесь земного тиранозавра, вымершего многие миллионы лет назад, и мифологического китайского дракона. Почему китайского? Ну, те вечно рисуют каких-то летающих вопреки законам физики зубастых червячков с мелкими крыльями. Вот у виверна они тоже имеются, рудиментарные такие. Видимо, предок животного когда-то умел летать. Хорошо, что теперь эта способность в процессе эволюции утрачена. Потому что если бы тварь ещё и летала... ну его на фиг, в общем.

Тварюга и так не подарок. Носится, как гоночный болид, и прыгает высоко. А если учесть, что скотинка размером с трёхэтажный дом плюс имеет природную броню, которую не каждая пушка пробьёт... Короче, понятно: такому «кыш» не скажешь. Благо виверны, в отличие от местных падальщиков, одиночки и стаями не охотятся. Такая вот «курочка»-переросток, только вместо клюва – пасть размером с ковш древнего карьерного экскаватора. Знатное такое хлебало, в общем.

В этот раз повезло. В смысле мне повезло, что успела, а вот падальщикам, наоборот, облом вышел. Потому что именно вышеупомянутый виверн пожаловал на огонёк. Этот сожрёт всё, даже землю, которая пропиталась кровью. Ничего не оставит.

– Запрашиваю дальнейшие указания.

– На Центральную, Пчёла. Пора уже тобой нормально заняться.

– Выполняю. Турели в следящем режиме. Условно безопасный маршрут построен. Расчётное время прибытия – семь часов.

– Отличн... а-а-а... – Рот сам собой пытается порваться от смачного зевка. – Я спать. Если что...

– Разбужу, – продолжил за меня искин. – Приятного отдыха, командир.

Но прежде чем спать – мыться, мыться, мыться, мыться. За день, проведённый в скафандре, несмотря на кондиционированную атмосферу внутри, я пропотела насквозь. Правда, моя душевая кабина больше похожа на узкий шкафчик для одежды: слишком тесная. Можно только зайти, и всё, даже двинуться не выйдет. Но не беда, струи бьют со всех сторон, смывая мыльный раствор, которым сначала обрабатывается тело. Даже такое, прямо скажем, не очень удобное место для помывки не каждый добытчик имеет на своей машине. Ибо удовольствие сильно дорогое. А у меня есть, вот! Могла бы, язык бы показала. Впрочем, показать-то могу, да

некому.

Боже!!! Какое это счастье – иметь возможность помыться. Я на стоковом аппарате почти не работала. Так, немного совсем полетала, в самом начале. А потом мне достался другой летун. Вернее, не достался, сама и нашла. Но до сих пор помню, каково это – не иметь душа на борту. Сидишь в сыром комбеше и преешь, воняешь. Аж самой противно. Ну не было таких удобств изначально, не предусмотрены конструкцией.

Потому «Пчёла» – моя гордость. Можно сказать, не столько транспорт, сколько уже настоящий дом. Как-то давно, ещё на Марсе, нашла в Сети каталог старых треков, ровесников веку двадцатому. Так вот, там был один трек с песней, дословно уже не помню, но что-то такое: «Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь...». Вот это как раз мой вариант. Назвала машину «Пчёла», ибо трудяга.

Ух, хорошо-о-о!!! Растёрлась насухо. Грязный комбез вместе с трусами – в ультразвуковую чистку, чистый – на себя. Если что случится во время сна и искин подаст тревогу, придётся запрыгивать в скафандр с ходу, некогда будет надевать комбинезон. Поэтому так. Надо же, а я, когда в первый день прибытия на Экзотт мне пихали два новых комбинезона со склада, пыталась отказаться. Думала: хватит, мол, и одного. Теперь вот и трёх бывает мало. Что тут скажешь? Идиотка? Факт.

Ну, вроде всё. Осталось откинуть складную койку, которая ложится как раз в проход до места пилота. Уф-ф-ф!!!

Здорово! Впереди ещё семь часов полёта. Если ничего не случится, может, выплусь. Вдруг именно сегодня не будут мучить кошмары? Хотя кому я вру? Сроду нормальных снов не видела. Только картинки из прошлого. Могла бы не спать – давно отказалась бы от этой почти бесполезной затеи. Но организм требует. Глаза сами закрываются, и приходят они – сны-воспоминания.

Глава 1

Родителей помню смутно, к своему стыду. Вернее, помню, но как бы в общем, а вот лиц... Если пытаюсь представить, перед глазами почему-то только мутные пятна. Зато помню, что часто смеялись. И ещё руки помню: мягкие и нежные – мамины, добрые, вечно шершавые – папины. Помню ощущение полёта, когда он этими руками подбрасывал меня вверх и снова ловил. В те моменты испытывала неопиcуемый, щепоточный восторг.

А потом всё кончилось. Резко и страшно. События давно минувших дней как в дымке, однако всепоглощающий ужас остался со мной до сих пор. Мы всей семьёй летели на новое место работы родителей. Помню, как радостное предвкушение обуяло всех. Родителей, наверно, потому, что работа обещала быть интересной и хорошо оплачиваемой. Ну, во всяком случае, я так думаю. Мне же наобещали столько всего нового: Землю показать и даже искупаться в настоящем море. Они оба были родом из метрополии, то есть из Солнечной системы, а я родилась под лучами звезды Альдебаран, на исследовательской станции. Естественно, мне было интересно.

Всё было хорошо. И вдруг – беготня по коридорам, приказ пассажирам сидеть в каюте и носа не показывать. А потом стрельба, взрывы, крики людей, испуганные глаза мамы.

Дверь каюты словно вырвал какой-то великан: вот она есть – и вот уже вылетела в коридор. В проёме стоял огромный человек в скафандре. Лица видно не было. Одно успела заметить: на серебристой нагрудной пластине был нарисован стилизованный щит, а внутри него две буквы – «SN». Мама задвинула меня себе за спину, а папа закрыл нас с ней, но это не помогло. Человек в скафандре направил на него какую-то штуку, страшную даже на вид. Нас смело, словно метлой. Мне в лицо брызнуло чем-то горячим и мокрым, а потом ударило невыносимым жаром. Больше я своих родителей не видела.

Очнулась уже в другом месте, но кошмар не закончился. Выяснилось, что на грузопассажирский корабль было совершено разбойное нападение с целью якобы грабежа. Свидетелей напавшие не оставляли, вернее не хотели оставлять. Из всего экипажа и пассажиров выжила только я. Военный патруль спутал планы пиратов. Так они, скорее всего, угнали бы корабль вместе с грузом и, возможно, не устраивали бы кровавую баню, избавляясь от свидетелей.

Но вышло как вышло. Патруль обломал планы налётчиков, потому они спешили. Плазменная граната, заброшенная в каюту, не смогла до меня полноценно добраться, тела родителей помешали, однако и без подарка не оставила: более восьмидесяти процентов кожи таки сгорело. Мне даже показали спасителей. Два серьёзных таких дядьки в военных комбинезонах с какими-то знаками отличия давали интер-

вью прямо у моей постели в клинике на Марсе. Они в красках рассказывали репортёрам, как сначала даже не поверили, что я вообще живая.

– Она ж обгорелая была, как головёшка. От спёкшихся тел родителей отрывать пришлось, – разорвался один из них. – А те вообще крошиться начинали от любого прикосновения, так пропеклись. Повезло малявке.

В общем, шумиха вокруг меня была сильная. Ещё бы! Пиратское нападение, практически в Центральной системе. Резонанс доходил порой до истерики. И в СМИ тархтели, и в сети Галонет препирались.

В палате, где я жила все время реабилитации после лечения в медицинской капсуле, имелась голопанель. Там, правда, по большей части развлекательные шоу крутили и мультики, перемежаемые частой рекламой: всё ж таки ребёнок обитает. Но примерно каждый час красочное мелькание на голографической панели прерывалось на блок новостей. Конечно же, в том возрасте меня мало интересовало, чего там тётки с дядьками бухтят (ещё ведь даже шести лет не исполнилось, да и моральное состояние оставляло желать лучшего), но больше заняться было нечем, и информация так или иначе в голову проникала.

Однажды в палату набилась огромная куча незнакомых, очень бесцеремонных людей. Как позже выяснилось, охрана некоего облечённого властью лица. Далее, как по мановению волшебной палочки, появились осветительная техника, дро-

ны с камерами. Из ниоткуда возникли шумные, надоедливые репортёры с микрофонами. И только потом в палату прошествовал толстый, очень важный господин. Он с суровым видом, потрясая пухлыми руками, начал вещать в объективы камер, что, дескать, с пиратством пора кончать.

Доколе, мол, бандиты будут безнаказанно убивать граждан Земного Союза? И где? У самых границ метрополии! Уму непостижимо! А о малышке мы позаботимся. Мол, не сомневайтесь, государство не оставит её одну. Приют «Марсианский тюльпан» уже ждёт свою новую воспитанницу, ждёт с распростёртыми объятиями. Ибо любой гражданин Земного Союза, попавший в беду, имеет право на защиту и помощь. Многие граждане считают, что власти о них забыли (дядька театрально всплеснул руками), типа наживаемся на горе наших граждан! Уверяю вас, это не так. Вот, к примеру, администрацией русского сектора метрополии Земного Союза были выделены дополнительные средства на полное восстановление утерянного в процессе нападения зрения девочки, ибо существующая страховка не покрывала такого лечения. Это ли не доказательство заботы?

И так далее и такое прочее. Пафосность речи зашкаливала. Чуть позже всё это показали в новостях, и я смогла вдоволь полюбоваться на свою рожу, транслируемую с голоэкрана.

Приходили, правда, не только репортёры. Пару раз заявлялись непонятные люди в чёрных комбинезонах и начина-

ли задавать вопросы. Оба раза приходили по двое, мужчина и женщина. Разные это были люди или одни и те же – не скажу, мне тогда как-то не до узнавания было. Всё время было страшно. Страшно от понимания, что родителей моих больше нет. Страшно от незнания, как жить дальше. Любое посещение приводило в ужас. Когда открывалась дверь в палату, мне казалось, что на пороге сейчас возникнет тот страшный человек в серебристом скафандре и доделает то, что сразу не получилось. Меня начинало колотить, и всё время хотелось спрятаться под кроватью.

А вопросы, которые мне пытались задавать, типа «Не помнишь ли ты чего-то необычного?» или «Не слышала ли случайно, что говорили нападающие?», вызывали лишь неконтролируемую истерику. То есть расспросы заканчивались буквально сразу после начала, потому что медоборудование начинало верещать, и тут же манжет на предплечье правой руки вкалывал успокоительное, после которого я засыпала. В общем, ничего не вышло у дознавателей, и после второго такого посещения ко мне перестали ходить. Вернее, медицинский-то персонал ходил, а вот эти в чёрном перестали. Видимо, решили, что бесполезно. Ну чего там мелюзга могла услышать или увидеть и тем более понять, право слово?

Ещё я боялась подходить к зеркалу – до икоты, до колик. Потому что с той стороны на меня пялилось чудовище, краснокожее и краснорожее чудовище. Всё тело, за редкими исключениями, было покрыто кожными спайками, кото-

рые безобразно бугрились. Не было больше волос, которые могли бы прикрыть огрызки сгоревших ушей. От носа тоже почти ничего не осталось, разве что две дырки. Вместо губ – какая-то жабья щель. Мне хватило одного раза, чтобы понять, во что я превратилась, и возненавидеть это отражающее устройство. Страшно и противно было даже прикасаться к себе.

Нет, психологи честно отработывали свой хлеб. Они пытались донести до моего детского перепуганного сознания, запертого в обезображенном теле, что не всё так страшно. Мол, вырастешь, станешь взрослой, заработаешь на полное восстановление и превратишься в принцессу, которую ждёт не дождётся принц на белоснежной космической яхте. Конечно же, они не так говорили, более мягко, завуалировано, пространно, но смысл был именно такой. Вот только предчувствия мои кричали, что ни хрена подобного не будет. Ничего ещё не закончилось, и так внезапно начавшаяся чёрная полоса в моей жизни уходит далеко за горизонт, не собираясь заканчиваться.

Там же, в стенах клиники, я встретила свой шестой день рождения. Даже какие-то подарки были от совершенно чужих людей. Но постоянное чувство тревоги не позволило радоваться этому событию. Впрочем, я понимаю себя ту. Чему тут радоваться? И дело даже не в обезображенной внешности, а скорее в неизбывной, вязкой, как патока, тоске. Эта была тоска по той жизни, которая могла бы у меня быть, не

случись нападения пиратов. Она, в смысле тоска, преследует меня и по сей день.

Мне так не хватает мамы и папы. Кто-то скажет: мол, сотни, тысячи, миллионы детей вообще своих родителей не знали – и как-то живут. Может быть, может быть... Но я-то знала! Они у меня были. Просто их кто-то походя, не испытывая при этом никаких угрызений совести, отнял. И я глубоко сомневаюсь, что это были пираты. Теперь сомневаюсь, с высоты прожитых лет. Не верю я, что это были настоящие пираты. Не знаю почему. Просто чувствую.

Оно ведь как. Космос же, просторы необъятные. А на таких просторах разница между обычным законопослушным, к примеру, торговцем и собственно пиратом весьма относительна. Кто сильнее, тот и прав. Такие времена. Ничего нового, подобное в земной истории уже было, если вспомнить начало мореплавания или ещё раньше, когда славянские и не только ушкуйники шныряли по водным артериям Земли. Люди всегда остаются людьми, они никогда не меняются, меняются лишь декорации.

Древние фантасты слишком идеалистически представляли себе общество будущего, шагнувшее к звёздам. Они утверждали, что по мере развития земной цивилизации в звёздную на передний план среди побуждающих мотивов выйдет добродетель, то есть станут преобладать лучшие качества человека. Ха-ха три раза. Ничего не изменилось в этом смысле. Как было когда-то с меча жить вкусно, так и

осталось. Никуда не делись зависть, жадность, злоба и прочие низменные страсти. Наивно было предполагать иное. Впрочем, то ведь были просто мечты хороших, честных, порядочных людей. А мечты не всегда сбываются. Очень жаль, к слову.

Потом был приют. Из того времени я тоже мало что запомнила, не успела просто. Разве что общее небрежение или даже неприкрытую брезгливость к уродцу – как к слизняку. Совсем маленькие меня боялись, сверстники – насмехались и травили, а те, что постарше, просто не замечали, и слава богу, потому что если бы ещё и они за меня взялись, вообще туго бы стало. Воспитатели на травлю внимания не обращали: видимо, плевать было, что там между их подопечными происходит.

И больше всех старался один мальчик из группы, в которую меня определили. Димка Петров его звали. Так усердствовал, словно моё появление как личное оскорбление воспринял. То пайку в столовой перевернёт, а добавку взять негде, то ночью гадость какую устроит. Больше всего любил поджигать мне ноги. Только уснёшь, а он тут как тут. Сунет между пальцев ноги огрызок туалетной синтбумаги и подожжёт. Где только зажигалки брал? Когда огонь добирается до кожи, становится больно, и ты начинаешь рефлекторно дёргать ногой, стараясь избавиться от боли, а он ржёт, заливается, и вся группа вместе с ним.

По причине небольшого возраста по половому призна-

ку воспитанников ещё не разделяли. Только лет с семи, когда начиналось постижение среднего образования, то есть школьной программы, отделяют мальчиков от девочек, и дальше они уже живут в разных комнатах. Но пока возраст совсем детский – вот так, все вместе.

Ему, конечно, доставалось от воспитателей за поджоги, и очередная зажигалка показательно отбиралась. Правда, причина наказаний со мной никак не связывалась, ругали исключительно за поджог в помещении: пожар ведь никому не нужен. А то, что этот ублюдок поджигал именно меня, никого не волновало в принципе: подумаешь, подожгли горелую, у неё вон живого места на коже нет. Одним шрамом больше, одним меньше – разницы ноль.

Поначалу я пробовала жаловаться воспитателю. В ответ на жалобу – брезгливый взгляд и совет разбираться самой: мол, учись ладить со сверстниками. А как с ними ладить, если они даже разговаривать не хотят? Тогда я поняла, что помощи ждать неоткуда. Впрочем, говорить тоже проблематично, ведь вместо голоса какой-то жуткий скрип изо рта. Медики говорили, что обожжённые связки со временем восстановятся. А то, что певицей мне отныне стать не грозит, – сущая мелочь. В мире хватает людей, которые и со здоровыми связками петь не умеют.

Однако терпеть издевательства, которые никогда не закончатся, тоже не хотелось. Начала огрызаться, не сразу конечно. Вот только мои потуги ещё сильнее раззадоривали

Петрова и его прихлебателей. И после очередной тёмной (это когда одеяло на голову, и пока ты не видишь, тебя мутуют все кому не лень чем попало) терпение лопнуло окончательно. Даже до шестилетнего ребёнка наконец дошло, что либо я его, либо он меня. Вместе нам не ужиться.

Слёз давно не осталось. Видимо, выплакала основные запасы за полгода в больнице. После последней тёмной с сотрясением мозга два дня лежала в лазарете, и снова никого не наказали. А когда вышла оттуда, меня переполняла ярость. Раз никто не желает вступитья, придётся вершить справедливость самой.

Для этого я взяла в спортивном зале палку, она сделана из твёрдого пластика и достаточно увесистая. Такой немудрящий гимнастический снаряд. По утрам воспитатель по физкультуре заставлял нас выполнять с ними разные упражнения. Их много было, в смысле палок, даже с избытком, поэтому пропажу одного снаряда никто не заметил. Это позже я узнала, что повсюду имеется видеонаблюдение, вот только единственный охранник, вечно спящий на посту, пропустил момент воровства.

Своё оружие я спрятала в чулане с шанцевым инструментом. Дроиды-уборщики работают только в ясельных крыльях приюта и в столовой, а мы и все остальные, кто старше, сами должны убирать свои комнаты, учебные классы и прилегающие коридоры. Так сказать, воспитательный процесс и заодно экономия на дорогостоящем оборудовании.

Два дня я ждала удобного момента. Однажды ночью Петров после очередной попытки поджечь меня, неудачной кстати, наконец уgomонился и таки лёг спать. Остальная группа тоже уже сопела в шестьдесят дырок – по числу воспитанников, из расчёта по две дырки на одного детёныша. Я же продолжала бодрствовать. Длительные наблюдения показали, что урод этот почти всегда один раз в течение ночи ходит в туалет. Вот этого момента я и ждала. Глаза слипались от постоянного недосыпа, но терпела, щипая себя раз за разом, чтобы не сомлеть.

И таки дождалась. Когда гад вышел, я тихонько отправилась за ним, по пути прихватила свою дубину. Там, прямо в кабинке туалета, и прихватила ссыкуна со спущенными штанами. А потом долго лупила палкой по башке, исключительно по ней. Упал он ещё после первого удара, может, от боли, а может, оттого, что сознание вышибла – не знаю. Но продолжала бить уже лежачего. Остановилась только когда... Хотя правильное будет сказать – остановили. Кто-то вырвал палку из рук, но я всё продолжала, стараясь хотя бы ногой дотянуться и ещё разик ударить.

Что было дальше, не знаю. В смысле не знаю, что было с Петровым, жив или таки сдох. Лучше б, конечно, сдох. Но увы, не в курсе, да и неинтересно было. А вот меня заперли в карцер. Оказалось, что в заведении для воспитания сирот есть и такой. Кормили, надо сказать, неплохо. В том смысле, что качество пищи от местонахождения не изменилось: что

в столовой готовили, тем и меня потчевали. Другого наказания, кроме наказания одиночеством, не последовало.

А как по мне, так и вовсе наградили. Неделя блаженства. Никто не мешал есть, спать, не донимал ежедневными уборками помещений. Курорт, блин, да и только.

Спросите про угрызения совести? Нет, не было. Может, не успела воспитаться «совесть» эта, а может, и так, что по моей правде восторжествовала справедливость. Да я и сейчас, спустя много лет, так считаю. Ведь никого больше не тронула. Хотя... скорее не успела просто. Были кандидаты, что крутились вокруг Димки... Короче, не было угрызений. Вообще. Вот нисколечко. Петрова я воспринимала как вездесущего таракана, которого раздавила тапком.

А что вы хотите от шестилетнего ребёнка? Дети вообще существа жестокие, а в приюте – особенно. Там некому было прививать доброту и человеколюбие, всем плевать на детей, если они, конечно, не свои. Да и не очень я понимала тогда, что собиралась сделать. Просто хотела причинить боль – так же, как он это делал мне. Но меня оправдывает хотя бы то, что я мстила. Не хотите у него спросить: за что он меня бил и поджигал ежедневно, да при этом не один, а целой толпой?

Так я и не узнала, чем закончилось дело с ним. Скорее всего, выжил: дети пластичны, а силёнок, чтобы по-настоящему ударить и проломить череп, у меня тогда не было, к сожалению. Нет, если бы отсидела срок в карцере от звонка до звонка, наверно, в итоге выяснила бы последствия сво-

их действий. Но такому не суждено было случиться. Потому что однажды ночью, через три дня после инцидента, за мной пришли прямо в карцер. Предчувствие надвигающихся неприятностей, так донимавшее меня ещё в клинике, да и здесь, в приюте, никуда не девшееся, не обмануло.

Нет, это были не органы правопорядка. Несовершеннолетнему ребёнку, шести лет от роду, вряд ли решили бы предъявить обвинение в предумышленном убийстве или причинении тяжких телесных. А вот оживший кошмар в виде щита и двух букв «SN» внутри него меня догнал.

Два мордоворота вломились в мою комнату. Мою в том смысле, что карцер я уже считала своим личным пространством и собиралась всеми правдами и неправдами тут остаться, даже если для этого мне придётся отлупить палкой всех воспитанников приюта вместе с воспитателями. Тут было хорошо, тепло, сухо и тихо. А главное, одна – и никого больше. Мечты, мечты.

Впрочем, ворвались – слишком громко сказано. Открыли дверь и вошли. Я спросонья вообще ничего не поняла. Меня грубо сдернули с кровати и со словами: «Её мы забираем» – куда-то поволокли.

Никто ничего не объяснял. Мелькнуло лицо дежурной воспитательницы, белое как мел. Видимо, и она испугалась. Возможно, было чего бояться, я ж не знаю, что ей сказали эти ребята. Одеты одинаково, в комбинезоны тёмного цвета, а поверх них что-то типа длинных плащей с глубокими капю-

шонами. Всё происходило в свете ночного, синего, освещения, потому цвета плохо различала, да и напугана была.

Я упиралась, конечно, пробовала даже кусаться, но на все мои действия получала в ответ тумачи и зуботычины. При чем тот, который меня тащил, особо не сдерживался. Кричать я не могла, разве что громко хрипеть. Но кто ночью услышит? Все же спят. И ни один человек по дороге не встретился, как назло. Некому было поднять тревогу и вызвать правоохранительные органы. Не удивлюсь даже, что если б всё же встретился кто, то, скорее всего, постарался бы забыть поскорее и убраться с дороги от греха подальше. Две здоровенные, зловещие фигуры, одна из которых волочёт извивающегося уродца – сюр, да и только.

Всё происходило быстро и как во сне. Но настоящий ужас пришёл тогда, когда тот, что тащил, начал меня брыкающуюся заталкивать во флаер. Я ж растопырилась, как краб, не желая подчиняться. В общем, во время короткой борьбы плащ с одной стороны случайно отогнулся и там, на груди комбинезона, я увидела тот самый логотип. Вот когда меня максимально накрыло ужасом. Это был конец. Они пришли, чтобы добить. Спасибо СМИ, которые любезно подсказали открытым текстом о выжившем свидетеле и где его надо искать.

Сильный испуг придал сил. Я начала биться с отчаянностью приговорённого к смерти, ведь, по сути, это так и было. Пусть дознаватели, приходившие ко мне в клинику, в итоге решили, что малявка ничего не видела и не запомнила от

сильного испуга, но настоящий виновник преступления так не считал. Он решил на всякий случай зачистить последние следы в виде обгорелого ребёнка. Ну что же, в логике ему не откажешь.

Однако брыкалась я недолго. Прозвучали слова: «Да сдохни уже, наконец!» – в голове образовалась яркая вспышка, и всё.

Больше я своих похитителей не видела, видела лишь быстро удаляющийся флаер. Вернее, это не он от меня удалялся, а я от него удалялась, потому что падала с большой высоты спиной вниз. Догадываюсь, меня тупо сбросили, посчитав, что и этого хватит. А может, думали, что уже концы богу отдала. Хрен его знает, короче. Да только снова не добились. Вот честно, на месте хозяина исполнителей я бы избавилась от этих идиотов. А проверить и произвести контрольный в голову?

Не знаю, что спасло меня от мгновенной смерти при падении. Может, малая, по сравнению с земной, гравитация Марса, а может, мягкая (относительно мягкая) куча хлама, на которую я шмякнулась, или высота этой кучи да её крутые склоны, по которым я кувыркалась, ломая руки и ноги, постепенно гася скорость. Сюда же, наверное, можно приписать большую и достаточно глубокую лужу зловонной жижи, в которую я под конец со смачным плеском угодила. Правда, были ещё те, кто выловил меня из той лужи.

Так или иначе, все эти факторы в совокупности, скорее

всего, и помогли. Не случись хотя бы один из них на ломаной траектории моего движения, финал был бы гораздо печальнее. Впрочем, может, оно так бы и лучше. Как говорится, когда ты уже умер и успокоился (ведь все беды теперь как бы позади), вдруг нашёлся кто-то, кто тебя оживил. И ты понимаешь, что покоя снова не предвидится. Зато продолжение мучений гарантировано.

Не удивительно, что так мало запомнилось о пребывании в приюте. Сколько я там пробыла? Даже имён одноклассников всех не знала. Знакомиться со мной никто не спешил, а я не лезла, понимая своим скудным детским умишком, что так будет лучше – безопасней. Знала только имена тех, кто больше всего донимал, но то понятно.

К тому же считать тоже толком не умела. Родители, конечно, занимались со мной, но многому не успели обучить. Так что реально посчитать время, проведённое в стенах казённого приюта, возможности не было. Тем более считать в днях (которых при отсутствии окон не видно), неделях и месяцах. Особенно когда не понимаешь, что такое месяцы и времена года, ибо никогда вживую их не наблюдала: в космосе всегда одно время года. Ведь счёт летоисчисления идёт по земным стандартам, о которых в шесть лет, по причине отсутствия этих стандартов перед глазами, задумываешься меньше всего. Но теперь, вспоминая ощущения, могу предположить, что примерно месяца два числилась воспитанником «Марсианского тюльпана». Негусто, в общем.

Глава 2

И снова неприятное пробуждение. Ещё более неприятное, чем когда очнулась в клинике. Тогда меня хотя бы уже исцелили от основных травм и моей жизни ничто не угрожало. О потерянной внешности речи не шло по понятным причинам: слишком дорогое удовольствие – заново вырастить кожные покровы. За так нынче и прыщ не вскочит. Бесплатная медицина сугубо в определённых пределах страховки. Всё, что сверх того, исключительно за деньги, и немалые. Ну обгорела, ну страшна теперь, как смертный грех, жить-то можно. Так что... Если б не смерть родителей и психическая травма, всё было более или менее прилично. Чистая палата, хорошая кормёжка, внимательные доктора.

А там, где я очнулась после похищения из приюта, жутко воняло – словно сто слонов разом сдохли и находились в активной стадии разложения. И это притом, что большая часть рецепторов носа, отвечающих за обоняние, сгорела вместе с ним ещё на корабле. С тех пор я слабо, очень слабо различала запахи. Но тут даже этих жалких остатков хватило, чтобы неимоверный смрад выдавил слезу. Я заворочалась, пытаюсь подняться, но кто-то, аккуратно, однако очень настойчиво, придавил меня к ложу, не дав это сделать. Темень – хоть глаз коли. Они-то, глаза в смысле, должны были привыкнуть к темноте, но темнота ведь разная бывает. В некоторых случа-

ях естественных возможностей организма недостаточно.

– Не дёргайся, – прозвучал скрипучий голос. – У тебя сломаны обе руки и нога. Ещё рёбра почти все, да голова, похоже, пробита. Лежать надо.

Мне не видно говорящего. Да и в анатомии человеческого тела я не разбиралась от слова совсем. Но даже так смогла догадаться, что передвигаться со сломанной ногой и руками вряд ли смогу. Уж что такое «сломано», хватило ума понять.

– Где я? – хриплю.

Голова болела, сильно тошнило. Впрочем, болело всё и везде, и тем не менее любопытство никуда не делось.

В ответ неизвестный собеседник хмыкнул.

– Даже не знаю, как ответить, – немного помолчав, выдал он. – Но если чисто географически, то на помойке недалеко от Марстауна. Тебе это что-то говорит?

Мне это ровным счётом ничего не говорило, потому промолчала.

– Я так и думал, – вслух подтвердил собственную догадку собеседник.

– Вы меня убьёте и съедите?

Не знаю почему, но вместо страха на меня накатила полнейшая апатия. При этом вышеупомянутое любопытство сохранилось. А сам этот кто-то, невидимый в кромешной темноте, почему-то представлялся неким потусторонним существом, обитающим здесь и поедающим то, что выбрасывают. Помойка же, а меня именно что выбросили. Выбросили из

жизни – за ненадобностью. Такая уродина, как я, могла б понадобиться разве что родителям, но их больше нет; теперь же, со сломанными руками-ногами, так и вовсе никому не нужна.

На мой вопрос относительно его гастрономических пристрастий невидимый товарищ скрипуче заржал. Очень было похоже, что у него те же проблемы со связками. Правда, что такое связки, я тоже не понимала, но так говорили врачи в клинике.

– Некоторые меня называют людоедом, – отсмеявшись, сказал невидимка, – но людей я если и ем, то не в этом смысле. Тем более ты себя видела наверно? Такую страшила, как ты, есть – кусок в горло не полезет. Да и худая больно, одни кости, без мяса почти.

– Зачем я вам?

Я имела в виду, что такая уродина, да ещё поломанная, даже на еду негодная, выброшенная на помойку, никому не нужна. А он тем не менее сидит рядом и разговаривает со мной.

Вопрос был слишком простым для заложенного в него смысла, но меня поняли.

– Знаешь, Копчёная...

– Меня зовут Ми... – попыталась я подсказать своё имя.

– Теперь тебя будут звать так, как я скажу. – Голос невидимого собеседника остался спокоен, но вот интонация... Произнесено было так, что перечить я не посмела. – Ещё окон-

чательно не решил, но пока будешь Копчёная. Так вот, глупцы те, кто считает, что бывают бесполезные люди. Я найду дело для тебя. Запомни главное: тебя выбросили – значит, не нужна. Считай, что умерла. А я тебя нашёл, и теперь ты принадлежишь мне по праву нашедшего. Подлечим и приставим к делу. Сейчас мы ждём помощников. Нести на руках тебя опасно, слишком много переломов, как бы не навредить ещё больше. Дальше видно будет.

Этот странный человек (а то, что человек, я уже не сомневалась) что-то вколол мне. На фоне общей боли укол почти не почувствовала, но отключилась мгновенно.

Вообще, после нападения пиратов на корабль и гибели родителей моя жизнь превратилась в постоянную череду вспышек и отключений. Моё согласие на это как-то забывали спросить. И началось всё с той самой плазменной гранаты. Она погрузила сознание во тьму, а вспышкой было включение в больницу. Потом в приюте, когда били, часто теряла сознание. Далее похищение и удар по голове, вследствие которого новая тьма, а за ней – очередная вспышка и падение, и снова тьма. Разговор с невидимкой, укол, и вот опять...

Надо мной нависает худое, вытянутое лицо. Сказала бы лошадиное, но про лошадей тогда как-то не подумалось.

– Вылезай, Копчёная. Хорошего помаленьку. Тебя Шнырь давно ждёт.

Кто такой Шнырь, кто сам этот, с лошадиной рожей, я, естественно, не знала. Я вообще ничего не знала. Но одно

поняла однозначно: придёт время – все, что надо, узнаю, а пока лучше молчать, если не спрашивают. Да и ежели спрашивать начнут, молчание тоже предпочтительней. Прав был тот невидимый в темноте собеседник: старая жизнь закончилась. Мила Герасимова умерла. А кто родился вместо неё на свалке... Как сказал невидимка, там видно будет.

Шнырём оказался пацан. Вертлявый, как угорь. Казалось, он вообще на месте стоять ровно не умеет и его тело живёт отдельной от хозяина жизнью. Зато когда он находился в движении, на него было приятно смотреть. Он двигался с грацией танцора, ловко уклоняясь от спешащих навстречу людей. Целого потока людей. Я столько сразу никогда в жизни не видела. Людское море, впрочем, нет, скорее полноводная река.

От неожиданности происходящего я замешкалась, и меня чуть не подхватило потоком. Шнырь вовремя заметил и, дёрнув за руку, затащил меня в какой-то боковой отнорок.

– Ты чего пасть раззявила, малявка? Людей никогда не видела? – зашипел на меня. Он был постарше года на четыре.

Что я могла ответить? Только головой помотала отрицательно. Действительно ведь не видела. Откуда? Вернее, видела, понятное дело, но чтобы столько и сразу – никогда. На исследовательской станции, где раньше жили и работали родители, такого движняка ни разу не случилось, да и мне особо некогда было по коридорам станции шляться. Дом, ну в смысле квартира на станции да детский сад для детей работ-

ников – вот, собственно, и всё, что могла наблюдать. А тут...

– Ха-ха-ха-а-а! – засмеялся провожатый. – Ты откуда свалилась? С неба, что ли?

И снова ответа у меня нет. Технически-то так и было. Именно с неба, если не брать в расчёт, что не свалилась, а сбросили. Мне вдруг обидно стало до чёртиков.

– Сам дурак.

Однако пацан не обиделся. Он схватил меня за руку и потащил за собой.

– Пошли, Учитель ждать не любит, так что надо поторопиться. Ты, главное, под ноги смотри и не споткнись, а то затопчут – даже не заметят.

Мы снова двигались против людского потока. Шнырь тащил меня за собой, и мне оставалось лишь шустрее перебирать ногами и следить, чтобы не споткнуться. Но любопытство возобладало, несмотря на зарок молчать.

– А кто это?

– Люди. Разве не видно? – был мне ответ.

– А куда они все?

– Да кто куда. Утро же. Одни – на работу в шахты, другие – куда-то ещё. Но в основном идут ждать.

– Ждать? Чего ждать?

– Работы, конечно. Чего ж ещё? Кому-то, может, повезёт сегодня, и место освободится. Или не повезёт.

В тот момент объяснения Шныря мне мало помогли, но некоторое время спустя я и сама разобралась, что к чему.

Жизнь заставила.

Если вкратце... В общем, изначально Марстаун – это небольшой исследовательский посёлок древних руин, в нём обитали археологи. Их на планете было много (не археологов, конечно, а руин), причём разных. Были те, что принадлежали расе неких амфибий, коих называли лемурийцами, но встречались и другие, что остались от наших древних, ну очень древних предков под самоназванием элерх энте.

И если лемурийские руины изучались в основном как исторические сооружения (ну, там, искусство, образ жизни и так далее, что сохранилось хоть немного), то дошедшее сквозь тысячелетия наследие предков человечества рассматривалось на предмет получения крупниц знаний, потому что многие, уже известные технологии, достались от них. Нет, большая часть, конечно, завезена, как уже говорилось, из Содружества, но вот им, так или иначе, эти знания достались от элерх энте и подобным же образом.

В том смысле, что знания не сами предтечи предоставили, а были они найдены случайным образом на просторах необъятного космоса в виде готовых технологий или записей.

Короче, ковырялись учёные потихоньку на Марсе, разбавляя выделенные государством Земной Союз деньги, да вот беда – буквально неподалёку обнаружили залежи редкоземельных металлов, да в приличном количестве к тому же. Таким волшебным образом к посёлку археологов прирос шахтёрский.

То же самое можно было добыть и в космосе, к примеру, в астероидных полях пояса Койпера... да много где ещё. Он, в смысле космос, богат на полезные ресурсы. Но ведь для того, чтобы добыть, надо хотя бы для начала долететь туда, где они есть, вернее, могут быть. Далее найти это самое и только потом, уже добыв, привезти туда, где перерабатывающие орбитальные фабрики и заводы сделают из всего этого богатства что-то полезное. А тут – буквально под боком висящих на орбите планеты тех самых заводов и фабрик. Ну красота же!

А раз такое дело, быстренько сварганили орбитальный лифт, благо гравитация существенно ниже земной, и давай выдавать на-гора всякую годноту. Марс оказался достаточно богат. Какие там сады? Кому надо заниматься медленным терраформированием, чтобы, возможно – повторюсь, *возможно*, – в перспективе, лет эдак через... очень много, получить планету, ограниченно пригодную для обитания? И тут сам собой возникает вопрос: а зачем, собственно?

Люди давно поняли, что в космосе при нынешних технологиях жить проще и даже безопасней. А пригодная для жизни планета – штука, конечно, хорошая, но не так уж необходимая. Слишком дорог процесс терраформирования, дорог и трудозатратен. А космос велик, на всех хватит с избытком. К тому же не нужно думать о загрязнении: за миллиарды лет не засрёшь. Так к чему городить огород? К тому же на ограниченном пространстве орбитальной станции, какой бы огромной она ни была, гораздо проще создать привычные,

комфортные условия для обитания, чем на целой планете. Короче, никому те сады на Марсе на фиг не упёрлись.

А вот ковырять его (Марс) оказалось самое оно. Об экологии-то думать не надо. Никакие «зелёные», фанатично радующие за то, чтобы совсем исключить пребывание людей на планетах земного типа, не досаждают. Разве что археолухи время от времени возникают, когда на их «бесценные» камни кто-то посягать вздумает. Но вопли учёных легко приглушаются солидным вспомоществованием на нужды якобы науки. Кому надо денежку перевели, и вопли резко затихают. И камни сразу же не такими ценными вдруг становятся, да и вообще внезапно теряется всякая историческая ценность руин. Все снова довольны, до следующего раза, конечно. Ну или до тех пор, когда кому-то из верхушки учёной братии вдруг снова понадобятся деньги. В общем, всё как везде и, что особенно важно, никаких тебе садов.

Так вот, добыча полезностей по мере надобности расширялась, работников становилось всё больше и больше. И если сначала их возили сюда вахтовым способом, то впоследствии многие переселились насовсем. Ну а что? В поселении искусственным способом поддерживается нормальная гравитация, созданы условия не хуже, чем на орбитальных станциях. Так чего ж туда-сюда кататься, если прекрасно можно жить прямо тут.

Шли годы. Народ, следуя заветам творца, плодился и размножался. Население города, расположившегося под сило-

вым защитным куполом на поверхности планеты, тоже росло. И пока естественный прирост нивелировался за счёт расширения горнорудной разработки, всё было вполне нормально. Но запасы планеты тоже ведь не резиновые. Постепенно эффективность добычи стала падать, и чем дальше, тем стремительней. Начались первые сокращения работников. Кто-то, более шустрый, успел свалить вовремя и устроиться в других местах. Кто-то догадался изменить себя, то есть профессию, и тоже, покинув Красную планету, нормально устроился впоследствии.

Но по большей части народ ленив. Людям вечно кажется, что им кто-то что-то должен. Неважно кто. Будь то компания, на которую они работают или работали, государство и так далее. Вынь да положь им социальные гарантии, пособия и прочее. Вот только беда в том, что всем насрать на какую-то там горстку неудачников, вдруг оказавшихся не у дел, без куска хлеба. На фоне стремительно расширяющейся экспансии в космос неудобства мизерной части человечества всем побоку, тупо не до них.

Нет, были попытки централизованного переселения за счёт государства. Что есть, то есть, не поспоришь. Но, опять же, идиотов всегда хватало с избытком. Наишустрейшие из неудачников смогли запрыгнуть в уходящий вагон и как-то устроиться. Остальные же, самые твердолобые, под идиотскими лозунгами про могилы предков и *нашу* землю (имеется в виду не Земля как планета, а грунт, по которому ходят,

в конкретном случае – грунт Марса), остались, продолжая качать права.

Под конец дело дошло до бунтов. До голодных бунтов, понятное дело. И вот когда на поверхности планеты рекой потекла кровь, последовали жёсткие меры. Сначала охрана предприятия серьёзно вломила бунтовщикам по зубам. Но те, утерев кровь, вновь полезли на баррикады, с ещё большим энтузиазмом. Охрана перестала справляться, и тогда в действие вступила регулярная армия. Народу полегло уйма. Что характерно, бунтующего народа, среди военных потерь почти не было. Армия основательно проредила страждущих и ещё более основательно поумерила их пыл.

Однако власть имущие понимали: делать что-то всё равно надо. Пускать ситуацию на самотёк – значит гарантированно через небольшой промежуток времени снова получить бойню. В итоге был применён метод кнута и пряника. Он работал во все времена, сработал и теперь.

Кнут и его последствия люди видели воочию: не было семьи, в которой никто не пострадал. Поэтому вновь испытать гнев сильных мира сего никто не спешил. А вот пряником стало пособие. Небольшое совсем, ну, ноги только чтоб не протянуть. О роскоши речь не идёт от слова совсем.

Плюс всю опустевшую часть шахтёрского города правительство выкупило по сходной цене у владельцев горнорудной компании и устроило на верхних этажах зону игорного бизнеса. Так-то он практически повсеместно запрещён. Но

как и во все времена, запрещать что-то – значит бороться с ветряными мельницами. Закроешь одно подпольное заведение – тут же открывается десяток других. Ну и какой смысл в подобной борьбе? Если хочет народ спускать свои кровно заработанные деньги какому-то чужому дяде в карман, а не на собственных детей, кто запретит? Да и зачем запрещать? Деньги-то в игорном бизнесе крутятся огромнейшие. Не лучше ли возглавить в таком разе?

Вот Марстаун и стал одним из многих игорных центров. Нет, шахты и по сей день работают, просто уже без былого размаха и огонька. Теплится что-то, доход приносит на грани рентабельности, и ладно. Кому интересно, что там на дне происходит? Тем, кто наверху живёт, среди казино, роскошных отелей и так далее, им всем пофиг.

Так или иначе, часть оставшихся не у дел шахтёров пристроились к игорному бизнесу и около него. Там ведь тоже нужны грамотные технари, обслуживающий персонал... Да вот те же проститутки – куда ж без них? В общем, новые рабочие места. Плюс туристический бизнес организовали, и кто-то в нём подвизался. Таким образом, бывшие «гордые» шахтёры вдруг преобразились в крупье, горничных, барменов, официантов, проституток обоего пола, экскурсоводов по древним руинам и прочий персонал. Жизнь заставила.

Опять же, игорный и туристический бизнес как бы сам собой подразумевает инфраструктуру – развитую, естественно. Рестораны, отели, театры, зоны отдыха, транспорт и мно-

го чего ещё. Короче, по большей части основная проблема была решена. Впрочем, как обычно. Потому что решена-то она, может, и решена, но опять не для всех. Аутсайдеров и тут оказалось достаточно. Так что безработица продолжает процветать, и только мизерные пособия позволяют хоть как-то существовать жителям дна.

Кстати, пособия идут не от государства. Эту почётную обязанность возложили на местный игорный бизнес. Вернее, на власти самоуправления Марса, а они уже на тех. Все довольны. За исключением дна, понятное дело. Но живущих на этом самом дне слушать как раз никто не хочет. А начнут буянить – тихо дадут в лоб, и вся недолга.

Вот и ходит народ ждать на предмет «подработать». Причём это даже не официальная биржа, а так. Просто место, где народ ждёт и куда приходят те, кому срочно требуются рабочие, и неважно, нужны они на постоянной основе или на разовые подработки. Эдакое «лобное» место. Именно об этом сказал тогда Шнырь. Само лобное место находится рядом с космопортом и орбитальным лифтом. Впрочем, это всё равно практически одно и то же.

Что же до людей, которые живут на дне города, так они в основном с помойки кормятся. Пособие платится ведь исключительно тем, кто официально зарегистрирован как гражданин и безработный. А что делать тем, кто беспризорником рос и ещё не успел получить статус гражданина? Или тем, кто по каким-то причинам не желает себя афиширо-

вать? Таких тут хрен да ещё маленько. Ну и, как уже говорила, пособие-то тоже не панацея, не разгуляешься.

Выручает помойка. Туда порой и хорошие вещи выбрасывают. Хотя хорошие они исключительно для тех самых жителей дна. То продукты просроченные вывалят, то одежду, то оборудование устаревшее. А тут всё в дело идёт, и помойка, сиречь мусорная свалка, давно поделена криминальными группировками. Не дай боже зайдёшь на чужую территорию – мигом не поздоровится.

Ну и, в конце концов, попрошаек никто не отменял. И тут, в Марстауне, такой род деятельности трансформировался в отдельный и очень прибыльный бизнес. Буквально армии таких «убогих» работают в верхнем городе. Отсутствие материальных денег никого не смущает. Получить на халяву пару-тройку баксов, или битов, или битко#в, или бишек, вполне реально за день, была бы нейросеть установлена. В самых запущенных случаях, когда даже бесплатной нейросети нет, хватит детского, ручного коммуникатора.

В общем, древнейшая схема и по сей день безотказно работает. Понятно, что попрошайки, или клянчи (от слова «клянчить»), не сами по себе и получаемые деньги сдают куда-то в общую кассу. Всем понятно, потому что бизнес стар как мир, наряду с древнейшей профессией. И тем не менее подают. Люди приезжают на Марс с деньгами, им не жалко скинуть один или два бита доходяге.

Кстати, о баксах-битах. На заре космических времён (речь

о временах, когда технологии Содружества были только завезены на Землю), после болезненно-мучительного образования единого земного общества, встал вопрос о собственной общегосударственной валюте Земного Союза. Сами понимаете, что в космическом обществе материальные деньги, которые можно пощупать, как-то сами собой превратились в анахронизм. Естественно также, что даже в те далёкие теперь уже времена понятие безналичных платежей уже повсюду использовалось в обществе. То есть предки не были дремучими дикарями. Хотя прошло-то всего чуть больше двухсот лет – какие предки, по нынешним-то временам? Многие из них и по сей день благополучно здравствуют благодаря технологии пролонга.

Однако речь не о них, а о платёжной системе. Так вот, о безналичных платежах знали, естественно, и прекрасно использовали. Но то лишь платежи. Деньги же продолжали оставаться материальными и у каждой страны своими. Такой вариант не подходил. У Содружества, к примеру, были так называемые галокредиты. Только проблема в том, что нужна была своя валюта: присасываться к чужой системе – значит заведомо поставить себя в зависимое от хозяев положение. Начали думать, какую из уже существующих взять за основу для Земного Союза.

Разумеется, каждая сторона из множества субъектов недавно образованного космического государства предлагала взять за основу свою платёжную систему и название валю-

ты. Больше всех – кто бы сомневался! – возбуждали бывшие американцы. Они и сейчас ещё не оставили попыток как-то выделиться среди равных. Благо теперь такого субъекта, как Америка, нет, все англоязычные зовутся англами. Но не в этом суть. Время было такое и политическая ситуация.

Да, США были, вернее считали себя ведущей державой, и их деньги являлись мерилom. Основные платежи между странами, как правило, действительно производились именно их валютой, по большей части во всяком случае. Более того, любые другие валюты оценивались именно по курсу к американской. Считалось, что чем ближе курс, тем крепче национальная валюта. Хотя я где-то читала, что на начало двадцать первого века доллары уже практически ничего не стоили, поддерживаясь искусственным образом и превратившись, по сути, в просто бумагу. Спорить, если неправa, не стану, ибо не являюсь историком и потому могу ошибаться. Так и что с того? Мало ли что и когда было? Сейчас иначе, и вот это действительно важно.

Но вернусь к валюте. Короче, бывшие американцы тянули одеяло на себя. Вот только пресловутая американская дутая гегемония давно всех порядком достала, и их послали большинством голосов. Но проблему таки надо было решать. И тогда, чтобы никому не было обидно, выбрали уже худо-бедно работающий примитивный аналог электронного платёжного средства, официально не принадлежащий ни одному земному государству. Говоря «аналог», я имею в виду ана-

логию с платёжной системой «Содружества», конечно же.

Короче, речь о так называемых биткоинах. Согласна, эта в те времена полулегальная система родилась как-то странно и спонтанно. Вот вроде бы не было – и вдруг есть. Слухов ходило много – кто хозяин и один ли это человек? – но конкретно США она вроде бы не принадлежала. Опять же, официально не принадлежала. А так кто его знает? Разные источники до сих пор в мнении сойтись не могут. В общем, теперь уже разницы нет. Для большинства важнее было, что это не доллары, вот прямо принципиально.

Ну и, понятное дело, криптовалюту быстренько нацию нализировали. И тут странность: если хрен знает кто хозяин, как тогда национализировать? Но, видимо, не такая уж и тайна великая была, раз смогли. В общем, факт остаётся фактом: национализировали, доработали по образу и подобию галокредита Содружества. Даже название за прошедшие двести с полтиной лет сохранилось неизменным. Так ведь работает. Чего тут менять?

Отсюда и сленговое сокращение – биты, или битки, а молодёжь нынче вообще до бишек сократила. Однако и древнее понятие староамериканской валюты – «баксы», видимо, в силу консерватизма общества прошлого, которое и сейчас здравствует, тоже не кануло в Лету, в отличие от валют других государств, существовавших на дне гравитационного колодца планеты Земля. Возможно, сей феномен обусловлен исключительно единой первой буквой названия электронной

платёжной системы: «б» – баксы и «б» – биткоины. Правда, баксами государственную валюту называют почему-то исключительно в криминальных кругах.

Глава 3

Мне же на все эти сложные перипетии истории было плевать. Ещё бы! В шесть-то лет да в моей ситуации мало волнуется, кто и как ищет работу, почему роется на помойке или попрошайничает. Было страшно. Просто страшно. События вокруг меня крутились с невообразимой скоростью, ситуация порой менялась кардинально за доли секунды. Но самое пугающее в том, что нет ни сил, ни возможностей как-то влиять на всё это. Меня словно мощным водным потоком подхватило и несёт куда-то. О том, чтобы выплыть, даже мыслей не возникает, тут бы вообще на плаву удержаться.

А поток знай себе несёт тебя, словно щепку, швыряя туда-сюда как заблагорассудится. Не обращая внимания на то, какую боль причиняют этой самой щепке столкновения о встречные препятствия. Так и летишь со скоростью потока. Мимо мелькают, быстро истаивая в памяти, пролетающие пейзажи чужой жизни, когда сложной и тяжёлой или даже трагичной, а когда лёгкой и радостной, туристической. Своеобразный такой калейдоскоп. Мелькнула картинка – и пропала, потому что у тебя своих забот и обязанностей по горло. Забот, которые обязана выполнять при любом раскладе. Хочешь не хочешь – иди и делай. Иначе голодной останешься – в лучшем случае. В худшем – Грол накажет.

Грол – это Учитель. Все его так называли. Имеются в ви-

ду те, кто жил и работал на него. К нему меня притащил Шнырь. Именно Учитель тогда разговаривал со мной в темноте. Как выяснилось, на свалке меня нашли пацаны, которых опекал этот человек. Нашли не случайно. Они видели, как я падала, а потом кувыркалась по огромной куче мусора, пока не влетела в лужу какой-то жидкой дряни. Благо не смертельно опасной. И хорошо, что решили вытащить на предмет ошмонать труп: мало ли, вдруг что ценное попадётся в карманах? Правда, на мне кроме пижамы ничего не было. Зато парни сообразили, что я пока не труп.

Ну и слава богу, что у одного из тех парней хватило ума сбегать к старшему, чтобы доложить о находке. В общем, передали по цепочке. Весть дошла до Грола. А тот возьми и заинтересуйся. Кто знает: может, ему просто скучно было в тот момент? Не-е-ет! О человеколюбии или о помощи ближнему речи не шло. Учителя добрым человеком язык даже не повернётся назвать. И всё же надо отдать ему должное, он даёт возможность людям выживать на дне. На самом дне. Причём таким людям, которые без его помощи никогда не смогли бы тут выжить.

Например, бедолагам вроде меня. В общем, тем, кому по не зависящим от них причинам не повезло очутиться за бортом жизни в слишком юном возрасте. Или калекам, у которых не оказалось средств на восстановление увечий. Да много кому. На него работает около нескольких тысяч человек, точную цифру поголовья работников только он сам знает.

Вот я, к примеру, не знала, да и знать не хотела.

Причём организация Грола не имела какой-то специальной направленности. Люди занимаются всем, что выгодно. Кто-то, как я на первых порах, становятся клянчами. Другие роются в кучах мусора на свалке и добывают что-то полезное. Есть те, которые крышуют, то есть предоставляют защиту мелкому бизнесу дна. По сути, рэкет, конечно, но без этого, видимо, никак. Также слышала, что имеются специалисты, которым по плечу устроить беспорядки в нужное время и в нужном месте.

Устранение неудобных также входило в сферу деятельности. И вот эту самую деятельность я очень хорошо знаю, потому что последние три года под крылом Грола именно этим занималась. Нравилось ли мне убивать? Не знаю. Не думала над этим. Тогда не думала. Жизнь на дне Марстауна быстро меняет приоритеты. И то, что когда-то ты ни за какие коврижки не сделала бы, через некоторое время становится обыденностью. Кровь перестаёт пугать, чужая смерть не вызывает жалости, а после убийства человека собственными руками не мучает совесть и «кровавые мальчики» по ночам не досаждают.

Но всё это было потом, а вначале...

– О! Смотрю, Сивый потрудился на славу. – Скрипучий голос прямо сочился радушием и довольством.

Впервые увидев Грола воочию, я едва умудрилась не обгадить и без того грязнющие пижамные штанишки, в которых

вынужденно продолжала «щеголять»: другой-то одежды не было. В общем, еле удержала сфинктер, до того мужик был страшен. Да и мужчиной дядька на самом деле был своеобразным. Ве-е-есьма-а-а своеобразным.

Начнём с того, что глаз как таковых у него не было. Вместо них – узкий ободок визора, неизвестно как держащийся на роже и не спадающий. Это сейчас я понимаю: дешёвый заменитель глаз был интегрирован в череп, на виду – только тёмный ободок сенсорной пластины. Сенсорной потому, что в ней не только оптика находится, а в придачу ещё куча всяких чувствительных прибулд, позволяющих видеть в разных диапазонах.

Ну да ладно с визором, на той харе других достопримечательностей хватало. Одних шрамов не перечесть. Порой казалось, если приглядеться, что они будто наслаивались друг на друга. Одного уха не хватало, но всё равно ушей у него на одно больше, чем у меня. Нос тоже был на месте, но огромный такой, больше похожий на клюв хищной птицы. Лицо безгубое, как у жабы, но тем не менее это, видимо, от природы, а не так, как в моём случае. Одна рука, правая, заменена биокибернетическим протезом. Ног нет вообще. Ну, имеется в виду, что как бы до сих пор при перечислении потери исчислялись не парно: одно ухо, одна рука. А тут ни одной своей ноги не сохранилось целиком. Вместо них тоже протезы, оба вжимают сервоприводами при движении.

Да он весь вжимает. Словно не с человеком, а с роботом

разговариваешь. Если бы тогда, в крошечной темноте дренажного туннеля, я б его как-то смогла разглядеть, не думаю, что выжила бы. От такого зрелища, да ещё при определённых условиях, да без подготовки... Ну его на фиг, короче.

И вот не поверите: испугаться-то я испугалась сначала, но немного погодя у меня на душе даже легче стало. Один его вид подсказал, что по сравнению с ним я ещё очень даже ничего. И при этом он как-то умудряется жить. Значит, и я смогу. Уже за одно это благодарна. Когда видишь кого-то, кто находится в ещё более плачевном состоянии, понимаешь как-то, что жизнь бывает и похуже твоей. Хорошо, когда есть пример для сравнения, правда?

Сколько ему лет, до сих пор не знаю, никогда не интересовалась. Да сколько б ни было, все его. И в течение этих лет жизнь глумилась над дядькой на все деньги, стараясь, видимо, уничтожить, а он живёт и, судя по всему, живее некоторых живых, если как пример рассматривать меня. Я-то себя почти похоронила, решив, что жизнь закончилась. Так что да, пример наглядный и познавательный.

А чем была фраза, которой он меня встретил, я не очень поняла. Утверждением или вопросом? Потому решила промолчать, предпочитая разглядывать собеседника и окружающее пространство. А Грол, похоже, ответа и не ждал. Плевал он на моё мнение и возможные ответы.

– Отлично, Копчёная. Теперь ты с нами. Надеюсь, понимаешь, что деньги, потраченные на твоё лечение, придётся

отрабатывать?

Ничего я не понимала. Я вообще мало что понимала во всём том горячечном бреде, который вокруг меня происходил. Но как уже не раз мной говорилось, мнение шестилетнего ребёнка мало кого интересовало. Грола так уж точно нисколько не заботило, что там себе думает малявка.

Таким чудесным образом я превратилась в клянчу. Меня передали на поруки неряшливой бабке с противной громадной бородавкой на носу и одетой в какие-то несусветные лохмотья. Более того, через некоторое время меня саму нарядили в нечто подобное. Оказалось, что это не просто лохмотья, а своеобразная униформа клянчи. Специальная роба, если угодно. Потому что попрошайка должна выглядеть соответствующе.

Больше часа подбирали спецодежду, и стоит отметить: те, кто это делал, подошли к решению проблемы с вдумчивым профессионализмом опытных стилистов. Не удивлюсь, что так и есть. Ведь мало нарядить человека в хламиду, необходимо сделать так, чтобы он при этом выглядел максимально убого, вызывая у прохожих жалость и желание как-то помочь. Увечья тоже надо правильно подавать, это ведь особая фишка. Можно их, увечья в смысле, блестяще имитировать, но если есть реальные, почему бы не использовать? И вот этого у меня как раз сколько угодно. Впрочем, нарочито выставлять напоказ тоже неправильно, они как бы случайно должны мелькать на виду. Ну, вроде человек тяготится ими и

пытается не афишировать, но при неосторожном движении они всё равно – вот ведь незадача! – оказываются видны.

Потом проинструктировали, что говорить, если вдруг «клиенты» спрашивать будут, как правильно просить, благодарить и так далее. Не забыли напомнить, что, если хотя бы одного бита не подадут, останусь сегодня голодной.

А есть давно хотелось: меня ведь так и не покормили. Последний раз я ела вечером накануне похищения из приюта. Потом куча событий, среди которых трапезы не случилось. Возможно, в допотопной медкапсуле Сивого меня как-то подкормили медикаментозно, но что-то как-то этого не ощущалось. Кишка кишке давно стучала по башке, и утроба завывала, требуя срочно что-нибудь сожрать. Но увы. Еда светила лишь в случае успешного дебюта в качестве клянчи, и никак не раньше. А в случае фиаско хоть зубы на полку складывай, хоть на Фобос вой – результат будет один.

В общем, надели на лапу детский коммуникатор времён начала экспансии и посадили на задницу возле одного из престижных казино. Ох и натерпелась же я страху поначалу. Там же не одна я сидела. Вся попрошаечная братия враз окрысилась. Оно и понятно: кому нужны конкуренты? А тут откуда ни возмись новенькая, и вот беда – буквально сразу подавать начали. Видимо, драпировщики, что усердно меня декорировали рваной ветошью, превзошли сами себя. Однако же и настоящие, а не мнимые увечья тоже делали свою работу. Плюс то, что была ребёнком, тоже, скорее всего, играло

важную роль. Кому вы быстрее подадите: здоровому бугаю без одной ноги, который изображает из себя забытого всеми героя войны с рептами, а у самого рожа – за неделю не обгадишь, или маленькой девочке, которая хрипит и тянет обожжённую ладошку, тщетно стараясь под тряпками спрятать уродливую голову? Ответ очевиден, правда?

Я сначала обрадовалась такому успешному старту карьеры, но не тут-то было. Естественно, весь контингент клянчей забеспокоился. А тот здоровый бугай выбрал время, когда посетителей казино не наблюдалось, встал, демонстрируя обе вполне здоровые ноги, и так пнул меня той, которая по легенде должна отсутствовать, что я метров пять кувыркалась по полу фойе. А тут и остальные подключились. Чуть не забили, гады. Никого не останавливало, что ребёнка пинают. В этой среде все равны, вне зависимости от возраста, пола и физических кондиций.

Тем не менее едва меня переставали пинать, я возвращалась на своё место, и мне снова подавали. А куда деваться? Жрать хотелось всё сильнее. Помру от побоев коллег или нет, ещё неизвестно, а вот Грола я боялась пуще смерти. Интуиция подсказывала, что этот человек о жалости, скорее всего, даже не слышал и скор на расправу. Если сказал, что накажет, значит, накажет. Вот не похож он на того, у кого слова расходятся с делом, ну нисколечко.

В очередной раз, когда коллеги по ремеслу опять вздумали проучить выскочку, подумала: всё, настал мой смертный

час! Но нет. Оказывается, без пригляда безобразную замухрышку не бросили. Откуда ни возьмись появились четверо шустрых парней, схватили того верзилу, «ветерана войны», что злобствовал пуще остальных, и куда-то утащили. Он попробовал было сопротивляться (здоровья-то, судя по виду, хватало), поэтому церемониться парни не стали, тут же тюкнули чем-то увесистым по кумполу, и мужик обмяк.

Вернулся бедолага минут через тридцать. Вместо рожи – что-то синее и опухшее. Ни глаз не видно, ни носа – всё отекло. Причём крови не было, то ли умыли сразу, то ли били, как говорится, сильно, но аккуратно. В общем, в мою сторону после «разговора по душам» он даже смотреть боялся. А может, уже не мог по причине сильного отёка избитой морды лица.

Так или иначе, демонстрация моего прикрытия оказалась слишком наглядной, и остальная кодла клянчей тут же поумерила свой пыл. Словно забыли. Нет, вряд ли они забыли обо мне на самом деле. Но сами понимаете: что им оставалось ещё? Разве что зубами скрипеть, если таковые были. Особенно после того, как прибывшая подмога от конкурирующей фирмы столкнулась с умельцами Грола. Нет, бойни не случилось. Просто поговорили и разошлись полюбовно. Похоже, авторитет Учителя действовал безотказно и работал на него не хуже опытных бойцов.

Опять же, нет худа без добра. Побитый «ветеран» после «вдумчивой беседы» получил свою порцию славы. Видимо,

побитая рожа и жалкий вид, которого до сих пор не удавалось добиться по причине полного отсутствия актёрского таланта, сделали своё дело. Ему начали подавать почти наравне со мной.

А позже, через месяц примерно, дядя сменил работодателя, потому что переметнулся под крыло к Гролу, и дальше мы работали в паре. Вроде как отец, калека, ветеран, и его сильно пострадавшая дочь. В этой связке мы были неподражаемы. Главное, что Гролу теперь не приходилось постоянно за мной приглядывать, то есть отвлекать часть своих помощников на защиту меня от случайностей, от которых никто не застрахован. Опять же, у «папы Вани» была нейросеть, и он всегда мог своевременно вызвать кавалерию. Но обычно слов о том, на кого работаем, хватало, чтобы конкуренты молча уходили несолоно хлебавши, и даже правоохранительные органы в лице стражей правопорядка закрывали глаза на нашу деятельность.

Так я стала перворазрядной клянчей и, наверное, самой доходной у Грола. Вместе с «папочкой» мы никогда не оставались без подаяния. Минимум пару сотен за день на двоих, а это, поверьте, очень немало для дна. А так порой и косарь (тысяча битов), иногда даже до полутора доходило, а пару раз целых два косаря за день заработали.

Но в тот первый день я таки получила втык. Бить не били, но внушение сделали. Типа должна была сразу сказать, чей я человек, и тогда не пришлось бы портить имущество дру-

гих. Под имуществом Учитель подразумевал, конечно же, того самого «ветерана». А про то, что таких инструкций, на случай когда конкуренты приставать начнут, мне не давали, как-то скоропостижно забыли. Я же тупо побоялась оправдываться, справедливо опасаясь, что Учитель ещё больше рассердится.

– Ты, Копчёная, девка упёртая, как оказалось, – читал он нотацию. – Тебя пинали, но ты продолжала работать. Это даже похвально. Я умею поощрять стойкость, и только поэтому ты сегодня не останешься голодной. Но вообще, твой долг только увеличился, несмотря на пятьсот заработанных тобой баксов. Во-первых, пришлось отвлекать ребят от важных дел. Во-вторых, порча чужого имущества, за что пришлось платить компенсацию хозяевам, и, в-третьих, порча моего имущества.

Отгадайте, что под тем имуществом подразумевалось? Правильно, это была я. Его собственность, которую подпортили конкуренты, по моей же вине. Лихо, правда? Обидно было до слёз. Много позже до меня дошло, что Грол таким образом привязывал меня к себе. Чтобы прочувствовала своё признание ему. Ведь это он спас и подлечил, он к работе пристроил и дал кусок хлеба. А мнимый долг, который якобы из-за моей глупости возник на ровном месте, в виде компенсации за вред чужого «имущества», был им придуман по ходу дела, для острастки. Потому что, скорее всего, это не он платил кому-то, а ему ещё доплатили компенсацию,

чтобы замаять недоразумение.

Ему все платят, если до этого доходит. Должников, не работающих на Грола, вообще нет. Такие, как я, есть, а тех, что на свободе бродят, нет от слова совсем, потому что, как правило, живут недолго. В общем, хорошо ещё, что как рачительный хозяин он не стал наказывать провинившуюся дойную корову, тем более коровёнка оказалась весьма удоистая, несмотря на размер и возраст. Во всяком случае, для первого рабочего дня.

Но и дальше дело пошло не хуже, а как обтёрлась по новому месту жительства и работы, так и вообще хорошо стало. Правда, не мне.

На житьё-бытьё меня прописали в какую-то комнату, находящуюся ниже уровня поверхности планеты, где-то в старых коммуникационных тоннелях. Тут жило много народу, но, что удивительно, не было грязи, и царил порядок, очень похожий на армейский. Вставали рано, шли в общую, импровизированную столовую, где получали свою порцию жрачки. И надо сказать, жрачка была вполне себе ничего, если закрывать глаза на то, откуда были взяты продукты и когда у них истёк срок годности.

Иногда давали (такие дни были для меня праздничными) просроченные армейские пайки с самоподогревом. В таких случаях их выдавали сразу на сутки. Можешь одним махом весь рацион слопать, а можешь использовать по мере надобности. Но раз получил такой, то добавки не жди: на сутки

же. Но чаще всего давали довольно сносную густую баланду из неузнаваемых злаков с кусочками консервированного чего-то – иногда синтмяса, иногда такой же рыбы. Всяко бывало. Что найдут бригады поисковиков на свалке, то и ели.

В комнате нас ютилось человек тридцать. Самодельные многоярусные кровати стояли в несколько рядов и до самого потолка. Вернее, не кровати, а скорее нары, но тем не менее. Никаких разнокалиберных тряпок, грязи, вшей и вони. Белые простыни, одеяла – всё как у людей. Да, одеяла разной расцветки, но ведь есть. Говорю же, порядок армейский. Попробуй только не заправь за собой постель, неважно, по какой причине: забыл, не захотел, проспал...

Впрочем, проспать тоже невозможно. Рывкнули подъём – вскакивай и бегом умываться, а потом на раздачу хавки. Не успел – считай, голодный. За не заправленную постель то же наказание. И даже если не пугает остаться голодным, силой сдёрнут с койки, да ещё пинка для ускорения добавят. В общем, строго всё. Работяги должны работать, а работать надо для того, чтобы приносить прибыль хозяину да чтобы самим было что есть. И так по кругу.

Раз в неделю – генеральная уборка. И это тоже обязательно. Отлынивать нельзя, если ты не на работе, конечно. Но и про выходной день тоже не забыли, и даже пайку давали, как бы усиленную. В честь выходного дня видимо, чтобы человек мог прочувствовать заботу. Всем находилось дело. Коммуникации ведь тоже поддерживать в рабочем состоянии на-

до, ту же еду готовить, ну и так далее.

Вот одевался народ кто во что горазд. Но это как раз понятно. Та же ситуация, что и с одеялами: всё ж таки не армия, и регулярных поставок единообразного обмундирования не имеется. Но одежда чистая. Есть даже своя прачечная, где трудятся специальные люди.

Вот честно, даже тогда, в шесть лет, это всё казалось немного странным. А теперь, с высоты прожитого, вообще рисуется некая своеобразная коммуна, где каждый член общества трудится на благо остальных. Графики дежурств, опять же. Кто-то всегда остаётся в расположении, чтобы подмести пол, приглядеть за порядком и так далее. Чем не армия? Сегодня ты дежуришь, завтра – кто-то ещё.

Воровства нет. Воров даже не наказывали. Проводилось экспресс-расследование, и Грол принимал решение. Если вина доказана и подтверждена, человека просто уводили, и больше он не появлялся. Думаю, любой, пойманный на воровстве, лучше согласился бы на наказание. Однако Учитель не ведал жалости. Как он там говорил? «Если кто-то не может обуздать свою тягу к чужому, направьте её на дело. Украдите у конкурентов и принесите в дом. За кражу у своих – смерть».

Такие вот дела. За личную гигиену тоже наказывали, вернее, не за саму гигиену, а за её отсутствие. Грол частенько лично инспектировал условия проживания своих людей. Если, не дай бог, не понравился запах в казарме, считай, все,

кто там обитает, наказаны – без исключений. И тут уже одним голодом не отмажешься, дополнительные работы точно придумают. Понимаете, что будет потом с вонючей грязнулей? Круговая порука в действии. И знаете, она работает. Очень хорошо работает.

Кстати, о нравах в организации. Они более чем свободные. Общая спальня, общие душевые, причём разделения нет не только по половой принадлежности, но и по возрасту. И права у всех одни, потому что пахнут все тоже без разделения. Но люди есть люди, со всеми своими надобностями и потребностями. Неизбежно образуются пары. А поскольку уединиться негде, я рано узнала, что такое отношения между мужчиной и женщиной.

Народ так и вовсе особого внимания не обращает. Типа – что естественно, то не безобразно. Разве ночью, если вдруг кто-то начинал слишком громко выражать свои эмоции от процесса, крикнут: мол, а ну заткнулись, не мешайте спать! И тут же охи да визги приглушаются до приемлемого уровня. Сначала дико было, потом привыкла. Потому что поняла одну истину: посторонние звуки мешают уснуть только тем, кто не устал за рабочий день. И это правда.

Тут, на дне, общих конвенций прав человека не соблюдают. Длительность рабочего дня с утра и до ужина – обычное дело. Грол считает, что человек без работы – преступник. От безделья могут начать появляться дурацкие мысли. А когда там (я о голове) мыслей всего две, и те про пожрать да по-

спать, более ни о чём думать неохота.

Потянулись будни, серые, беспросветные, но довольно-таки сытые, что не отнять. Специальные люди отслеживали ситуацию в городе и направляли нас сидеть то в одно место, то в другое. Целый, блин, аналитический отдел трудился, чтобы выхлоп с клянчей был максимальный.

Около года я так сидела. И хотя жизнь была не сахар, возвращаться в приют ни разу не хотелось. То, что меня туда никто б и не отпустил – вопрос второй. Но я и сама не рвалась, понимая, что там снова могут появиться те, по чьей вине всё пошло наперекосяк. Однако и сидеть на заднице в виде клянчи до самого конца мечталось ещё меньше. Но что было делать? Мало ли чего хочет уродливая малявка по кличке Копчёная. Иди и сиди там, где скажут. Все так живут, кто под Гролом ходит. Бунтарей нет. Может, изначально не водились, а может, кончились быстро. Это попасть на дно легко и просто, а вот выбраться отсюда...

Да только я была против таких перспектив. Потому что точно знала: может, такой жизнью и живёт подавляющее большинство моего нынешнего окружения, но есть и исключение. И исключением была личная гвардия Учителя. Слышала краем уха, что он сам набирает из общей массы способных людей и обучает чему-то. У них кормёжка не в пример лучше и настоящие, собственные биты водятся. Гвардия – это опора Учителя и наша защита, а заодно основной источник дохода. Каждый боец из этой гвардии зарабатывает в

день в сотни раз больше, чем мы за неделю.

Зачем Гролу всё это, я тогда даже не задумывалась. Но сбежать от опостылевшего ежедневного сидения на пятой точке нестерпимо хотелось.

Глава 4

Вообще, Учитель был странным, если не сказать больше. День нашей первой встречи иначе как случайностью не назовёшь. Ну, во-первых, он не тусуется на дне вместе с нами. Как выяснилось, он вполне уважаемый гражданин и живёт в верхнем городе. Ну, большую часть времени живёт, совершая порой инспекции на, так сказать, «производство». Не гнушается общаться с людьми дна, выпрашивая потребности, пожелания. Такой добрый папочка как бы.

Насколько я знаю, он тоже выходец отсюда. Попав на дно, смог организовать людей, выгрызть себе место под солнцем и нишу в бизнесе. Но то давно было, задолго до моего рождения. Так вот, он внизу бывает часто, но не постоянно. И если б выбросили меня из флаера в любой другой день, это был бы конец. Смотрящий за дном (зам Грола) хрена лысого стал бы суесться ради очередной поломанной калекки. А так пацаны, что меня нашли, доложили ему, а тот не поленился доложить *хозяину*. Что уже можно назвать чудом.

Во-вторых, сам факт того, что Учитель заинтересовался мной и решил своими глазами увидеть доходягу, также относится к разряду чудесного. Ведь не поленился сходить на место, поговорил со мной, после чего отправил к Сивому на лечение. И ведь даже не стал выпрашивать, кто я, откуда и за что меня на помойку. Вроде даже неинтересно. Прав-

да, запретил называться своим настоящим именем. А может, сам потом всё разузнал: кто, что и зачем. Теперь-то я знаю, что у него возможностей хватает. Такие вот чудеса в решетке. Только прозябать среди клянчей всю оставшуюся жизнь всё равно очень-очень не хотелось, и единственный путь, чтобы изменить свою жизнь, – это пробиться в гвардию.

Был у меня друг. Впрочем, до друга там далеко было – я имею в виду настоящие дружеские отношения. Вернее, это я думала, что он мне друг, а он сам считал иначе. Но относился ко мне снисходительно, позволял быть с ним рядом, отвечал на некоторые вопросы и, если кто-то вдруг решал развлечься за мой счёт, всегда заступался. А если учесть, что после смерти родителей от меня в основном шарахаются, то ближе него никого не было. Речь о Шныре. К своему стыду, я так и не узнала имени этого мальчишки. В нашей среде не принято обзывать по имени, только клички.

Кстати, про гвардию от Шныря узнала. Он тоже мечтал туда попасть, хотя, в отличие от меня, не просиживал задницу с протянутой рукой и табличкой, где указан номер счёта транзакций. Он был на несколько ступеней выше. В его ежедневную задачу между тренировками входило шнырять в городе и слушать, что говорят. Такое не каждому дано. Мало уметь быть незаметным, проникая туда, куда большинству хода нет, нужно было ещё понимать, где можно услышать интересное, и вычленив из пустой болтовни прохожих нужную информацию. Короче, сходить туда-то, потереться сре-

ди тех-то и так далее. Основной же вид деятельности – те самые тренировки. Туда много пацанов ходило и ни одной девчонки.

Их вообще было мало, девочек в смысле. Женщин хватало, а вот детей женского пола – раз-два и обчёлся. Буквально. Обе были старше меня, лет по четырнадцать-пятнадцать, девушки почти. Но их другому учили: видимо, на этих двоих у Грола отдельные планы были. Натаскивали правильно и красиво одеваться, красиво ходить, работать с игральными картами, общаться с противоположным полом. Не в том самом смысле общаться, а уметь заинтересовать мужчину, правильно построив с ним разговор. Я думаю, тоже агентов разведки готовили. Этим девочкам если и придётся работать телом, то исключительно под нужными людьми. Вряд ли их так усиленно тренируют, чтобы работали впоследствии обычными проститутками. Говорю же, Грол очень странный мужик и планы у него выходят далеко за пределы помойки Марстауна и, возможно, самого города.

Ну да ладно с девками. Мне с ними всё равно не по пути было: рожей не вышла. Да и не завидовала никогда этим фифам. К слову, даже узнала о них много позже. Я вообще думала, что как малолетняя особь не мужского пола была единственной в организации Учителя.

Так вот, про тренировки. Иногда у меня, как уже говорилось, случались выходные дни. Правда, я была клянчей, а у тех они не фиксированные. Потому что если клиент прёт,

надо работать. Отдыхали в дни затишья. И вот в один из таких дней я очередной раз пошла искать своего друга. Ну не сидеть же сиднем в казарме и смотреть, как одни пялятся в голоэкран, а другие за их спинами трахаются. Неинтересно мне это. Да собственно, сами должны понимать, что ребёнку в семь с небольшим на месте не сидится.

Любопытство, оно, знаете ли, такое любопытство. Его избыть невозможно. Свербит где-то, и ноги сами несут навстречу приключениям. А со Шнырём мне интересно. Он меня учил читать и писать, правильно двигаться в плотном потоке людей. Показал альтернативные пути проходов в городе. Имеются в виду технические коридоры и целые этажи, шахты лифтовых транспортёров и доставки товаров, системы вентиляции и прочее. Детский мозг, ещё чистый, можно сказать девственный, благодарно впитывал крохи знаний.

Думается мне, что в прошлой жизни у парня была сестра. Откуда знаю? Так я и не знаю, догадываюсь просто. Недаром же он иногда заговаривается и называет меня Леной. Сначала я его поправляла, не понимая в своей детской непосредственности, как меня можно с кем-то перепутать. Он смущался и злился – на меня и, наверное, ещё на себя. Но, как правило, быстро отходил. Не сразу я связала эти вспышки злости с моими репликами.

Короче, немного погодя решила не поправлять его. Ну оговорился человек, ну Лена, так и что? Мне не жалко. Подумаешь! Побуду ею, не переломлюсь. Тем более что не са-

мое плохое имя. Во всяком случае, гораздо лучше Копчёной, к примеру. А то, что Шнырь держится как бы на расстоянии от меня, так оно понятно – теперь понятно. Была б хотя бы нормальной девчонкой, в плане внешности, так ещё полбеды. Но когда другие пацаны его моим женихом дразнят, а мнимая невеста страшна как жизнь на помойке...

В общем, пацан он и есть пацан. Водиться с девчонкой? Да фу-у-у!!! Он и рад бы отвязаться, но я пристала, как клещ. Не понимала ведь тогда, что являюсь обузой. Обузой в моральном смысле и, наверное, в душевном, как, впрочем, и в физическом тоже. Если я права, и сестра у парня всё-таки была... В общем, видимо, несладко ему, когда я рядом мельтешу и напоминаю о нехорошем прошлом.

Нашла его на базарной площади. Хм, вот сказала и поняла, что с базарами старины глубокой, как, впрочем, и с площадями, эта «базарная площадь» роднится лишь в том, что тоже торговля и тоже большое, шумное пространство. Однако ж нет неба над головой, и всё происходит под «крышей» города, который от орбитальной станции мало чем отличается, кроме своего расположения. Как бы то ни было, тут жители дна торговали кто чем мог. Одиночки – себе на карман, а подневольные, вроде меня, работали на организацию. Короче, разный народ, и не только с дна. Сюда приходили и те, кто уже не на дне, но ещё не сильно высоко забрался.

Шнырь со стайкой незнакомых пацанов (не наших, к слову) играл в какую-то игру. Там надо было одинаковые метал-

лические кругляши бросать об стенку так, чтобы они отскакивали и ложились максимально близко друг к другу. Сначала жребий, понятное дело, кто первым бросает, а потом начинается. Один кинул – кругляш отскочил и упал на пол. Кидает второй. Если его кругляш упал рядом и пальцами одной руки удастся соединить оба кругляша, то можешь забрать оба. Если нет, значит, выиграл тот, кто бросал первый. Это если двое играют. Ежели человек больше двух, то выигрывает тот, чей кругляш ближе всего к первому брошенному, или опять же хозяин первого кругляша, если до его предмета никто дотянуться пальцами не может. А поскольку пальцы у всех разные по длине, ради справедливости выбирают мерилу, чтобы только он мерил. Правила нехитрые, но такую игру увидела впервые.

Каждый такой кругляш, диаметром сантиметра три и толщиной около трёх миллиметров, являлся и битком, и ставкой и оценивался в один бит. То есть после того, как все откидались и обмерились, счастливчик подсчитывает свой профит, и другие участники переводят ему выигрыш уже в электронной валюте. А кругляши возвращаются владельцам.

Я подошла в самый разгар веселья. Некоторое время они меня даже не замечали, увлечённые процессом. Но продолжалось это недолго.

– О! Гляди, Шнырь, твоя невеста явилась, – ощерился в щербатой улыбке один парень с видом прожжённого пройдохи.

Удивляться нечему, что меня знают, видели вместе не раз. Я ж в любую свободную минуту за ним хвостиком бродила. А тут и остальные загомонили, стараясь наперебой придумать подколку позабубенистей.

Шнырь хмуро зыркнул на меня:

– Чего припёрлась?

Я просто пожалала плечами: дескать, да так...

– Иди отсюда. Я скоро на тренировку. Некогда мне.

– А можно я с тобой? – заканючила я. Мне было дико скучно, и возвращаться обратно в казарму желания не имелось.

– Да не гони её, – вступился за меня конопатый парень, который цветом волос мог легко посоперничать с самим солнышком. – Малая, хочешь с нами сыграть?

– Я не умею, – отвечаю.

Шнырь продолжает хмуриться. Ему точно не нравилось происходящее.

– Да чего там уметь? Сейчас научим.

И меня научили. Правила, как уже говорилось, нехитрые. Вот только ни одного кругляша у меня не было. А народ явно настроился на потеху. Я в тот момент этого, конечно же, не понимала, чистейшей воды любопытство обуяло. Ведь происходило что-то необычное.

Зато Шнырь, похоже, понимал и хмурился всё сильнее.

– Копчёная, иди лучше обратно, – сказал он.

– А ты ей родственник, что ли? Чего раскомандовался? –

оборвал его другой пацан, самый, наверное, крупный и старший из всех.

– Мы с ней в одной бригаде, – стоит на своём Шнырь.

– Ну и чё? Ты ей не начальник, а у неё выходной. Так?

Последний вопрос – это уже ко мне. Я киваю. Ну, это ведь, действительно, правда.

– Давай сюда, малая. Не слушай этого зануду. Он почти проигрался, вот и злится. Я тебе даже биток дам. – И верзила с довольной улыбочкой протягивает мне кругляш.

Ну правда! Мне интересно было, потому о каком-либо негативе даже не думала. Да и сколько там мозгов было? Нечем ещё толком думать и проводить физиогномический анализ.

– Нет! – возразил Шнырь. – Она со мной, значит, и кругляш с меня.

– С тебя так с тебя, – не стал спорить верзила. Он, видимо, среди компашки парней главным числился.

Шнырь вздохнул тяжело и протянул кругляш, тихо прошептал:

– Лучше бы ты пошла обратно, как я сказал.

А мне что? Его слова меня даже не насторожили. В одно ухо влетели, а в другое фыр-тайга – и нету. Хотелось поскорее начать играть.

Впрочем, за этим дело не стало. Заново посчитались и начали. Первым выпало бросать верзиле. Его биток отлетел от стены почти на метр. Потом народ начал метать свои ставки.

Получалось по-разному. Кто-то довольно близко клал свои снарядики к первому, у кого-то получалось не очень. В том числе и Шнырь «отстрелялся» из рук вон плохо. Дошла очередь до меня.

– Давай, малая! – подзуживают пацаны. – Покажи нам класс.

Меня долго просить не надо. Смерила взглядом диспозицию, повертела в руках биток, привыкая к весу, и бросила. Дзын, звяк – и тишина. Гробовая. Только шум базарной площади и ошарашенные взгляды пацанов. Больше всех глаза были у Шныря. Ещё бы, мой кругляш лёг поверх первого!

А вот я почему-то не удивилась даже. Я хотела, чтобы так случилось – ну и вот. Сгребая выигрыш с торжествующей улыбкой. На душе радостно. Улыбаюсь – Шнырю, конечно же, как бы говоря ему: видал, как могу?

Правда, вряд ли мою улыбку кто-то оценил или хотя бы понял, что это улыбка вообще: я иногда забываю, как выгляжу на самом деле.

– Хера се ты мечешь!!! – восхитился главный заводила. – А ну, ещё раз.

Снова считаемся, и мне выпадает кидать первой. Прикидываю, что к чему. Хоть ещё и дура душой была, но сообразила, что хуже всего бросать первой: в этом случае проигрыш почти гарантирован, имеется в виду мой проигрыш. Дальше не знаю как, но появилась идея, что если закрутить кругляш и бросить вертикально ребром, он вернётся под самую стен-

ку и тогда трудно придётся моим соперникам.

И у меня даже получилось. Бросила его двумя пальцами, закручивая, да не учла направление, в котором надо крутить. Ошиблась, с кем не бывает? Получилось наоборот: вместо того, чтобы вернуться к стенке, кругляш укатился вообще хрен знает куда. Еле нашла под ногами прохожих, ещё и пинка получила от кого-то, видимо, чтобы под ними, в смысле ногами, не путалась. Пацаны даже кидать не стали, тупо отдали выигрыш.

Снова считаемся и кидаем. Первым метнул рыжий, я – второй, и снова мой биток лёг поверх первого. Результат никто не смог повторить. Так и пошло. Случались и осечки, не без того, но в основном я была в выигрыше. Так увлеклась, что даже не заметила, как вокруг нас собралась толпа наблюдающих, а улыбки моих соперников начали напоминать скорее оскал. Никто больше не шутил, а Шнырь так и вовсе мрачнее тучи сделался.

А я веселилась от всей души. Биток, послушный моим пальцам, летел куда надо, кредиты через наручный коммуникатор бесперебойно поступали на счёт: попробовали бы пацаны меня надуть – толпа спонтанных болельщиков стояла над душой и ревностно следила за каждой транзакцией.

А через два часа Шнырь заторопился: мол, на тренировку надо, и всё такое, а потому мы уходим. Мы – это я и он.

– Так иди на свою тренировку, а малявка с нами ещё поиграет. У неё ж выходной, имеет право.

– Нет, она пойдёт со мной, – стоял на своём парень.

– Да кто ж её отпустит-то? – осклабился заводила.

Зря он это. Ошибочку допустил. Толпа болельщиков тут же загомонила, послышались слова типа «лохотрон», «кидалово» и тому подобные – народ не скупился на красочные определения вида деятельности. Парню при таком раскладе ничего не оставалось, кроме как пойти на попятную. Не дурак оказался, понял, что ляпнул, не подумав. Начнёшь упрямствовать, могут и бока намять. Плюс органы правопорядка обязательно на бучу подтянутся. Кому это надо? Опять же, мы ж не сами по себе, под Гролом ходим. Тронуть нас при свидетелях – это ж потом даже искать не станут. И денег при этом тоже жалко, аж зуб крошится. Но ничего не поделаешь.

– Да пусть катится, если хочет, – резюмировал парень. – Просто малявке сегодня прёт. У новичков часто такое бывает. Хотел дать побольше заработать, но раз нет, так нет. Понимаю.

Зрители одобрительно загудели. Реабилитация мелкого игорного бизнеса прошла успешно.

– Но раз такое дело, – ещё не закончил верзила, – Шнырь, надо бы должок отдать.

– Так я и отдам, на днях. Просто сейчас столько нет.

– Да я бы и не против. Но понимаешь, деньги вот прямо сейчас понадобились. А долг – это ведь долг, верно? Проигрался – верни. Справедливо. Я ведь правильно говорю, не?

Теперь толпа гудит одобрительно уже в его поддержку.

– Зак, верну я. Ты же меня знаешь. Всегда возвращаю.

Но этот Зак, видимо, решил отыграться за своё фиаско и не соглашается.

– А сколько ты должен? – спрашиваю я.

– Сто пятьдесят два кредита, – бурчит в ответ Шнырь.

– Кому переводить?

Для него денег нисколько не жалко. Это же Шнырь. Мой друг. Единственный друг.

Рассчиталась, в общем, и мы пошли на выход с базара. Да только приключения ещё не закончились, самое интересное было впереди.

Куда Шнырь ходил на тренировку, я знала. На самой тренировке, понятное дело, не была, но не в том суть. Сначала даже не поняла, почему он не пошёл прямой дорогой. Потасил какими-то закоулками, тёмными переходами. А это, оказывается, он так возможную погоню путал. Это я ни сном, ни духом, всё ж по-честному было. Зато Шнырь точно знал: не выпустят нас с такими деньгами. Если б всего пару-тройку битов выиграла, так и не тронули б – ради рекламы: дескать, всё по-чесноку. Но там больше трёх сотен на круг вышло, а это совсем другие деньги. На дне и за пару бишек грохнуть могут.

Короче, Шнырь меня тащит, а мне весело. Мне всё казалось, что в какую-то игру играем. Но не игра то была. Нас встретили. Не получилось у парня вывести меня безнаказан-

ной.

– Оу-у-у! Шнырь, и снова здрасти! – лыбится здоровый лоботряс.

Вся кодла в сборе. Как сообразили, где искать, история умалчивает. Нам не сказали, а мы и не спрашивали. Не до того было.

Вот тут я уже начала понимать, что творится какое-то непотребство. Шнырь меня себе за спину задвинул.

– Чего ты хочешь, Зак? С тобой рассчитались сполна.

– Это ты так думаешь. Вот только сдаётся мне, малявка не случайно появилась. И надо же какая меткая, да? Вот и возник вопрос: а не специально ли ты её привёл? Хотел обушь нас на серьёзные деньги? Так не делается, Шнырь. Ты не прав. Ответить бы надо.

– И ничего он меня не звал, – высунула я свою рожу из-за спины друга. – Я сама пришла.

– Цыц, мелочь, – шикнул на меня Шнырь.

– Правильно, – ослабился верзила. – Пока парни разговаривают, девка молчать должна. Ну так что, ответишь за подставу?

– Не было подставы, Зак. Она правду говорит. Таскается за мной везде. Прилипла – не оторвёшь.

– Так женись! – ржут пацаны. – Ещё чуть – и она в сок войдёт. Знатная жена выйдет.

Мне обидно до слёз. Они ведь даже не над Шнырём потешаются, а мою внешность троллят. А ещё этот: прилипа-а-

ала, таска-а-ается... Ну хоть плачь. Так-то он никогда меня не гнал. Кривился? Было дело. Пацан ведь, это нормально. А тут прямо вот обидные вещи говорит. Теперь-то понимаю, что таким образом выгородить пытался. Отвести угрозу именно от меня. А тогда...

– Да вы на себя в зеркало смотрели? – отвечаю ржущему стаду молодых жеребцов. – С такими сморчками мутить – себя не уважать. Как есть уроды.

Естественно, такой ответ сама бы ни в жизнь не придумала. Но житие в казарме, где народ не стесняется в выражениях и прочем, накладывает отпечаток. Слышала однажды, как одна из наших сильно потасканных и побитых жизнью «красоток» отшивала непрошеного претендента на секс. Вот и повторила почти слово в слово. Правда, тем самым только хуже сделала.

Драка вспыхнула мгновенно, едва я успела закончить свою обличительную речь. Вот только что мы вдвоём могли сделать? Их было на два человека больше. Меня же как бойца в тот момент даже рассматривать не стоило, так что, по сути, Шнырь один против четверых схлестнулся. А дрался он здорово. Правда. Двигался красиво, это даже я поняла, даром что дура набитая. Но победило в тот раз количество, а не качество. Мне, соответственно, тоже досталось по соплям: в стороне ж не стояла, в самую гущу лезла, так хотелось помочь другу. Правда, больше мешала, но от души же старалась.

Кончилось всё довольно быстро, когда нож верзилы оказался у горла Шныря. Я сидела на заднице и размазывала кровь, струящуюся из остатков носа.

– Выбирай, малявка: жить твоему женишку или нет? – предложил заводила шайки.

А выбор был прост. Возвращаю деньги – нас отпускают с условием, что больше никогда не сунемся в игру. Если же не захочу этого сделать, Шнырь умрёт, и я вместе с ним. Никто нас не найдёт. Они даже гнева Грола почему-то не боялись, ведь понимали же, что если отпустят, то молчать не будем.

Именно поэтому я не стала включать жадину – в надежде наябедничать кому следует. Мы ж не абы на кого работаем – на самого Грола, мать его ети. Учителя тут все уважают и боятся.

Однако на самом деле личная жаба верещала от возмущения, прямо вот благим матом заходилась. Это ведь, по сути, был первый мой заработок, который не надо отдавать в общак. То, что на основной работе подавали, естественно, сдавалось. Но если смог в выходной разжиться левыми деньгами, то всё твоё. Понимаете, каково мне было? Одно дело – погасить долг друга, тут, как говорится, сам бог велел. И другое – когда кровное внаглую отнимают. Жаба душила со страшной силой.

– Под протокол переводи. Не забудь сказать, что делаешь это добровольно и претензий к нам не имеешь, – инструктировал меня здоровый урод.

Если звучит такая фраза, значит, парень уже совершеннолетний и имеет собственную нейросеть. Хорошую или бесплатную с минимумом функций – не важно. Важно, что сделка официально фиксируется платёжной системой, и впоследствии её хрен оспоришь. И пофиг всем, что Шнырь в это время на пере висел, это мало кого заинтересует. Да и сделка не с ним была, а со мной.

В общем, деваться некуда. Перевела – и нас правда отпустили, наградив в нагрузку ускоряющими пинками. Но я горела праведным гневом, желая наказать обидчиков. Только вот ни хрена не вышло.

Шнырь мне чуть позже, по пути на тренировку, всё обстоятельно объяснил. Оказывается, Грол запрещает своим людям играть в азартные игры на интерес. За нарушение правила последует суровое наказание. Так что лучше бы нам промолчать. Не было игры, не было денег. Легко пришли – легко ушли. И что примечательно, нас хоть и нагрели да отпинали прилично, в прибытке всё равно остались мы. Да, деньги пришлось вернуть, но долг Шныря погашен, причём публично, при большом скоплении народа. Видаков того дела более чем достаточно, тут уже не предъявишь. Как говорится, с драной овцы хоть шерсти клок.

– Но вообще, спасибо, Копчёная, – сказал он в конце.

– За что? – не поняла я.

– За то, что не пожалела денег.

– Так ты же мой друг! – искренне удивилась я такому рас-

кладу.

И вправду не понимала, как можно было пожалеть денег ради жизни человека, ближе которого нет. Плевать, что он сторонится меня на людях и злится, когда моим женихом обзывают. Тем не менее продолжает возиться со мной и отвечает на кучу глупых вопросов. Вздыхает тяжело, не без того, и да, закатывает глаза от моей дремучести: дескать, откуда ты на мою голову взялась? Но отвечает же. Не гонит. Для меня этого более чем достаточно.

Глава 5

И опять возвращаемся к тренировке. Всё никак до неё родимой не доберёмся. Вечно память куда-то в сторону уходит. Короче, специальные люди Грола занимаются с пацанами общей физической подготовкой и так, по мелочи. Всего понемногу как бы. В том числе и драться учат. Однако там не столько натаскивают хороших бойцов, сколько проводят отбор, отсеивая лишних и неспособных.

И это логично. Да, нынче технологии шагнули далеко вперёд, и по достижении совершеннолетия можно установить нейросеть, а после развёртывания оной закачать любые базы знаний, очень быстро их освоив. В том числе и боевые навыки. Тем не менее лучшие спортсмены, к примеру, получают из тех, кто занимался этим с юных лет. Сколько знаний в голову ни вложи вместе с готовыми базами, умнее от этого человек не становится.

Так и тут. Чем раньше начнёшь, тем лучше, а базы знаний лишними никогда не будут. Недаром же до сих пор существуют обычные школы, где детей до совершеннолетия обучают по старинке, чтобы мозги не протухли. Технологии технологиями, а ребёнок должен развиваться нормально. И в этом плане Грол соображает. Может, и не выйдет из большинства ребят супербойцов, но если парень нормально развит физически, разве ж это плохо? Тем более что и на помой-

ке между группировками стычки нет-нет да и происходят. Не гонять же элитный отряд на каждую драку. Сами должны уметь справляться.

Я ж говорю, у Учителя планы большие. Какие, не скажу, но всяко не простые. Иначе зачем он себе армию готовит? Армию преданных лично ему бойцов. Потому что лучших, по слухам от того же Шныря, тренирует он сам. Собственно, видимо, именно такая деятельность обусловила его кличку Учитель. Ведь Грол – это не совсем кличка. Грол – от Григория Олеговича. Правда, Гролом его только за глаза называют, при личной же встрече – исключительно Учитель. Скорее всего, так повелось с самого начала, когда он только начинал своё восхождение из помойной ямы и искал себе помощников, которых сам обучал.

А на тренировку меня не пустили. Сказали: мол, нефиг клянче тут делать. Ещё и девка. Заодно поржали: дескать, тебе это не надо, и так страшная. Стоит только улыбнуться, как все враги разбегутся. Шнырь ещё подзатыльник от тренера получил – за опоздание.

Но я уже настроилась и отступать не собиралась. Зря, что ли, запоминала науку друга, где и как найти вентиляционные каналы. Поплутала немного, конечно, потому что тут ещё ни разу не лазила, но в итоге нашла путь и вот уже смотрю через вентиляционную решётку на то, что происходит в импровизированном спортивном зале. А там, блин, ничего интересного. Бегают по кругу пацаны, и всё. И вот ради этого ходить,

чтобы получать ещё и подзатыльники? Дураки, что ли? Мало подзатыльников и пинков получаем на улице от взрослых?

Удивительно, но продолжала смотреть. А пацаны всё бегают. Некоторые уже еле-еле ноги волочат. Их подгоняют резкими окриками. Чуть позже бег начал перемежаться ходьбой на корточках, потом начали падать по команде и отжиматься, кувыркаться, раскачивать корпус то в одну, то в другую сторону, вперёд, назад, словно уклоняются от чего-то. Вот бедолаги. Чего-то мне уже неинтересно стало. Я-то думала, тут драться учат, а какой толк с бега?

Уже собиралась уходить. Нет, правда. Что за прикол? Бегать и так можно, только кому это надо? Или тут обучают убежать от противника? Не хочу бегать. Я хочу бить врага. Каждого, кто посмеет надо мной посмеяться, так наказать, чтобы даже думать о смехе потом боялся. Опять же, сегодня у меня отняли *мои* деньги. И я их отдала, потому что так было надо. Так было правильно. Я это не столько понимала, сколько интуитивно чувствовала. Но лучше бы я была сильной и умела хорошо драться. Тогда и деньги сохранились бы, и друга спасла. А тут «шляпа» какая-то происходит. Бегуны, блин!!!

Сижу в тесной трубе и пялюсь на это непотребство. Желание плюнуть и уйти всё сильнее. Но хорошо-таки, что сразу не ушла, потому что самое интересное началось немного погодя. Нет, в плане тренировок ничего не изменилось, толпа придурков как бегала, так и продолжала бегать. Просто слу-

чилось то, что в очередной раз круто изменило мою жизнь.

А именно – случился Грол. Вот что заставило его именно сегодня снова выйти в народ? Уверена, что он не специально так подгадывал. Кто мы такие – что я, что Шнырь? Одни из многих, кто трудится на его благосостояние и цели. Ну да, меня он знает, сам лично смотрел, когда угодила на свалку. И даже в один из своих выходов в народ как-то похвалил за продуктивную работу. Было такое, не спору. Но в остальном-то кто мы? Да никто. Для него – никто.

А вот поди ж ты. Только успели накосячить, как он тут как тут. Провидец, что ли? Или кто-то из своих был на базарной площади и видел наш конфликт? Могло такое быть? Да почему ж нет? Вполне себе версия. Однако даже если так, не стал бы он спускаться из города к нам, чтобы лично наказать: не того полёта птицы. Дал бы распоряжение, и кто надо с нами разобрался бы успешно от его имени. А то и вообще без него обошлись бы. Смысл тревожить главного, отвлекать от нужных дел, дабы проучить двух нерадивых босяков? Бред полнейший.

И тем не менее вот он. Вернее, сначала в зал вошли двое в тёмно-синих новеньких комбинезонах. Что-то сказали старшему, исполняющему, видимо, обязанности тренера, потому что именно он покрикивал на пацанов во время бега. Тот пальцем указал на Шныря. Двое одинаковых парней схватили бедолагу и не церемонясь куда-то поволокли.

«Да что ж за день-то такой?» – мелькнула у меня мысль.

Я, открыв изнутри решётку, не задумываясь, вывалилась из вентиляционной трубы. Высота была около трёх метров, но эти двое угрожали моему единственному другу. Думать некогда было. Я тогда мало думала – речь не про конкретно тот момент, а вообще. Там больше инстинкты работали, причём не самые лучшие. Я боялась. Боялась вновь остаться одна, если Шныря накажут. А как наказывает Грол, прекрасно знала.

– Оставьте его! Это я виновата!

Пусть лучше меня накажут. Мне терять неч...

– О, вот и вторая. Тебя-то нам и надо, – обрадовался один из синих.

– Во даёт, блоха мелкая, – восхитился тренер. – Я ж её прогнал, а она в вентиляцию просочилась.

Крепкой рукой меня ухватили за шкварник. Я брыкалась и лягалась. Почему-то вдруг такая злость взяла, такая ярость обуяла. Мне б хоть разок стукнуть обидчика. Дайте только шанс, и пушу в ход зубы. Однако ж, как и всегда, шанса мне не предоставили. Шнырь и сам покорно шёл, изредка подталкиваемый в спину, а меня несли почти на вытянутой руке, и как бы я ни извивалась, достать до супостата не получалось.

Конвоировали по коридорам, к слову, недолго, минут пятнадцать. И вот наконец поставили пред ясны очи Учителя. Хотя какие там очи? Тёмная пластина визора зловеще поблёскивала, ну и страшнючая рожа безобразно скалилась в

улыбке. Или то была не улыбка?

Двое из ларца, успешно выполнив работу по доставке обвиняемых, встали возле дверей, по обе стороны.

– От они, соколики! – радушно так раскинул руки Грол. – От они, красавцы! Прямо гордость распирает.

Шнырь стоял и, похоже, даже дышал через раз. А мне плевать было. Ну убьёт, и что? Может, так даже лучше станет. Потому что я не хочу тут жить, на помойке этой, и сидеть каждый день с протянутой рукой. В уют тоже не хочу, но и здесь мне не место. Я это знаю, чувствую! Потому НЕ ХОЧУ и НЕ ЖЕЛАЮ!

– Меня наказывай, – говорю, зло глядя на нашего хозяина. – Шнырь ни при чём, это я виновата.

– Вот оно ка-а-ак?! И в чём заключается вина?

Молчу. Соплю в две дырки.

– Чего замолкла? Раз начала, договаривай.

– Не слушайте её, Учитель. Не виновата она, – встрял дружбан. – Это я на деньги играл...

Грол заржал в голос. Двое из ларца тоже хмыкали у своих дверей, сдерживаясь, чтобы не засмеяться. Им не положено, они на работе.

– Вот так вот. Ещё допрос не начал, а вы уже раскололись до самой жопы. Вообще-то я не знал, что вы нарушители моих приказов. Мне сказали, что была стычка с парнями Бирюка.

Молчим подавленно. До обоих дошло, что не по поводу

нарушения дёрнули. Это ж надо так обгадиться на ровном месте. Ну вот кто за язык тянул? Может быть, и удалось бы отвертеться. Наврали б с три короба чего-нибудь. А теперь... А теперь всё. Отвечать придётся.

«Вот же дурища-а-а!» – мелькнула в голове мысль. Жаль, что запоздалая.

– Тогда понятно, чего от вас пацаны хотели. Выиграли, что ли?

Молчим.

– И много?

– Почти четыре сотни, – шепчет парень.

– Некисло так. – Рожа Учителя изображает удивление. – И как у тебя вышло обуть опытного каталу? Он же на пристенке собаку съел.

– Не я, – бурчит мой напарник, – она Зака сделала. Я-то как раз проигрался.

Учитель аж присвистнул и вперил в меня свою буркалину. Посверлил с минуту и вновь расплылся в улыбке.

– Видали, пацаны, какие самородки к нам на помойку выбрасывают? – Это он тем, что у дверей стоят, сказал. – Вот только что-то не верится.

– Да у неё биток летит словно намагниченный. Падает туда, куда она захочет, – вскинулся пацан, доказывая свою правоту.

– А мы сейчас проверим твои слова. Есть битки?

Шнырь кивнул и вытащил из кармана десяток кругляшей.

– Дай ей.

Круглые предметы, напоминающие своей формой древние монеты, перекочевали ко мне в ладонку. Я же стою и тупо лупаю глазами. Вот ни фиги не понимаю. Мы что, сейчас на деньги играть станем? Тоже, нашли время!

Но Грол, как оказалось, совсем не про игру думал.

– Я называю предметы в этой комнате, а ты, – это он мне, – быстро их находишь и стараешься попасть битком. Задача ясна?

Неуверенно киваю.

– Пепельница!

Звяк.

– Стакан!

Дзынь.

Учитель с задумчивым видом берёт тот самый стакан со стола и удивлённо заглядывает в него. Потом вытряхивает кругляш на ладонь. Переводит взгляд на стакан, потом на меня и вдруг бросает его. В смысле стакан. Тот кувиркается в воздухе. Но вместе с броском снова звучит та же команда:

– Стакан!

Сложно было. Предмет-то кувиркается. Просто попасть внутрь неподвижного сосуда оказалось несложно. А тут как? Но команда дана. Думать, размышлять поздно. Потому что он летит по высокой дуге ко мне. Дзынь. Шлёп. Кругляк попадает в стакан, а его я ловлю уже рукой. Мало ли, он ведь, в смысле стакан, стеклянный. Разбиться может, если упадёт

на пол. Ещё и за это предьявят потом.

Ставлю на стол. Биток внутри. Я справилась. Как? Да фиг его знает, если честно. Просто бросала. Считать, благодаря Шнырю, научилась, вот и считала обороты, благо он не сильно мельтешил. Я про стакан, а не про Шныря. Раз оборот, два оборот, бросок, три.

Тишина в комнате. Или это кабинет? Хрен знает, в общем. Учитель снова задумчиво меня разглядывает.

– Хм! Забавно. Кто бы мог подумать, – негромко так комментирует он свои мысли. Но я услышала.

– Хера се снайпер! – слышится от двери.

Грол встаёт и, неспешно вжикая протезами, направляется к нам. Вот подошёл и вдруг резко хватает Шныря за шкварник.

– Быстро, как на духу: зачем играл на деньги?! ОТВЕЧАТЬ! – выверился он так, что я чуть не описалась от страха.

Но что интересно, страх испытала не за себя. Вернее, за себя, конечно, но подоплёка того страха была необычной. Да, испугалась. Но не за свою жизнь. С некоторых пор смерти не боюсь от слова совсем. Пару раз уже приходилось умирать. Это почти не больно. Раз – и свет померк. Но главное, смерть, она ведь избавляет от боли. Так что в этом плане, видимо, отбоялась давно.

Нет, испугалась совершенно иного – нового одиночества! Вот его страшилась пуще всего прочего. Ведь если Шныря

сейчас грохнут за нарушение приказа, снова одной оставаться. Ну и ко всему прочему он ведь друг. За него боялась тоже. В общем, сложно объяснить клубок перекрученных в душе чувств и эмоций.

– Ка-ка-канф-ф-фет х-х-хотел! – блеет пацан, белый как мел от испуга.

– Плохо кормят, Шнырь?! – продолжается допрос, перемежаемый жёсткой тряской. Как голова не оторвалась у бедаги, ума не приложу.

– Н-н-не с-с-себе. Е-е-ей х-х-хотел.

– Ей, говоришь?

Тряска прекратилась. Учитель смотрит на парней у двери.

– Врёт? Как думаете?

– Не похоже вроде, шеф. Ради малявки старался. Норм пацан.

– Норм, норм! Нормально говорить разучились?

– Виноват! – говоривший боец у двери (а это явно боец) вытянулся в струну.

– Черти! Норм, норм! Сам вижу, что норм. Но он нарушил запрет. Что прикажете делать? Сегодня одного простишь – он же норм! – а завтра остальные побегут нарушать. Наказание должно быть неотвратимым. Только так можно добиться идеальной дисциплины.

В ответ молчание. Что тут скажешь?

– Я виноват! – вскидывает голову Шнырь. – Она позже пришла. Вот и затащил её Зак в игру. Я отговаривал, но дев-

ка же. Откуда мозги?

– Глядите, какой защитник выискался! – зло кривится
Учитель.

– Да что ты говоришь?!

Это уже я встряла: дурня ж спасать надо. Мне то что, грохнут, и поделом. Жить с такой харей давно неумоготу.

– Проигрался в ноль! – кричу я. – Кто б тебя тронул? Это из-за моего выигрыша Зак окрысился. По моей вине напал. Только драться я не умею...

К концу моего спича учитель уже не переставая смеялся скрипучим смехом, а двое у дверей утробно икали, еле сдерживаясь.

– А ты, значит, – отсмеявшись, спросили меня, – хотела бы научиться драться?

– Да. – Мой ответ однозначен. – Не хочу клянчей...

– Вот как?

– Да.

Я давно всё для себя решила, только пока не знала, как буду действовать. Но время ещё было. Не захотят эти связываться с уродливой девчонкой, найду другие способы. Никто не удержит. Во всяком случае, так я думала.

– Шеф! – заговорил вдруг боец у двери. – Можно слово?

– Что-то ты сегодня сильно разговорчив, Ден.

Голос Грола не предвещал ничего хорошего. Видимо, не любит он, когда подчинённые говорят, если не спрашивают. А этот и правда сказал уже слишком много, хотя должен был

у двери болванчиком притворяться.

– Говори, – тем не менее дал разрешение главный.

– Спасибо, шеф. Малявка – боец, сразу же заметно. Тем более такой талант имеет. Грех в клянчах держать. Эти двое, – говоривший указал подбородком на нас, – друг за дружку готовы пострадать. Сложившаяся боевая двойка. Поднатаскать маленько, и смогут работать по мелочи. А когда подрастут, уже видно будет, стоят чего-то большего или нет.

– А с наказанием что делать, по-твоему? Понять и простить?

– Зачем же? Сами ж учите, что наказание должно быть неотвратимым.

– Ты по делу давай. Я и сам знаю, что говорю, напоминать не надо.

– Предлагаю отложить наказание. Не снять, а всего лишь отсрочить. Позже отработают, если справятся. А не оправдают надежд, так таких и не жалко. Примерно закопаем.

– Хм, отсрочить... – Учитель задумался на секунду. – Ладно, так и поступим. Но ты тоже сегодня накосячил изрядно, Ден. А значит, и для тебя наказание будет. Берёшь на личный пригляд этих гавриков. И закапывать в случае неудачи тоже самому придётся. Такое твоё наказание будет, личное. Усёк?

– Так точно!

– Вот и ладушки. Теперь вы двое. Я вас запомнил. И наказание ваше никуда не денется. Так что если жить хотите,

придётся оправдать надежды. Если нет – понятно, чем кончится?

– Закопают, – хором выдали мы со Шнырём.

– Именно. И поручился за вас вот он. Так что за ваши косяки прилетит и ему. Это тоже понятно?

– Да!

– Не «да», а «так точно».

– Так точно! – Снова хором и в унисон.

– Хорошо, что понятливые. Ты, Шнырь, сегодня переселяешь её к себе. Тренироваться до отсева она будет вместе с вами, и жить тоже. На усиленное довольствие поставят, я распоряджусь. В твоих интересах, чтобы она быстро догнала группу. Значит, будешь помогать подружке в меру сил.

– Так точно, Учитель. – Шнырь, подражая бойцам у дверей, вытянулся.

– А ты... – Теперь он уставился своим визором на меня. Будто насквозь просветил. – Ты пока освобождаешься от основной работы. Посмотрим, что из тебя получится. Но долг твой снова увеличился.

– Так точно! – Я не могла скрыть радость. Наконец-то! Больше не будет опостылевшей работы попрошайкой.

– С сегодняшнего дня ты Цыпа.

– Почему Цыпа? – сам собой вырвался вопрос. С чего вдруг мне погоняло сменили? Интересно же.

– Считаю, повышение. А почему... Есть такое древнее блюдо, называется «цыплёнок табака». По сути, жареная ку-

рица по специальному рецепту. А поскольку до курицы ты пока не дотягиваешь, будешь Цыпой.

Вот такое объяснение. И ржёт, гад. И что это было? Говорит, повышение, но больше похоже, что снова смеётся надо мной. Вот поэтому я и хочу уметь драться, чтобы такие юмористы давились собственным смехом. Я потерплю пока, мне не привыкать. Но когда-нибудь вобью этот смех ему в глотку. Смейся, Грол, смейся. Пока есть время, смейся. Но таймер уже начал обратный отсчёт.

– Но прежде чем уйдёте, – Учитель ещё не давал «звонка» к окончанию «урока», – Цыпа, лоб Дена!

Один из кругляшей, которые всё ещё лежат стопкой в левой ладони, врезается куда сказано.

– Ай! – Ден с круглыми от удивления глазами трёт свой лоб, на котором наливаются краснотой синяк: кругляши-то тяжёленькие.

Его напарник, не проронивший пока ни слова, довольно лыбится.

– И второму!

– Ой! Кхе-кхе-кхе...

Первый кругляк заставил ойкнуть, второй же залетел прямо в рот, едва тот приоткрылся. Это я не из рвения угодить Гролу так поступила. Это своего рода наказание от меня лично. Это ведь он меня тащил, так бесцеремонно ухватив за воротник. И ещё месть за Дена, маленькая такая месть. Ден замолвил за нас слово. А в моём понимании такой поступок

достоин уважения. Во всяком случае, в моих глазах достоин, чужое мнение меня мало интересует. Как, впрочем, и мнение обгорелой малявки мало заботит окружающих. Но это только пока. Моё время ещё придёт.

– Собери битки и сюда на стол, все.

Выполняю приказ и складываю злополучные кругляши на стол перед Гролом.

– Ха. Очень хорошо, Цыпа, – оценил мои усилия Учитель. – Отлично даже. Узнаю, что снова играть ходили, не прощу. А теперь марш отсюда и помните, о чём сегодня тут говорилось.

Я не очень поняла последнюю похвалу. Что конкретно он оценил? Мои броски или усилия по их сбору с пола? Тем не менее выяснять это и тем испытывать терпение начальства мы не стали. Мигом вывалились за дверь и помчались. Вернее, мчался Шнырь, я просто за ним поспешала. Аж запыхалась. Видимо, друг считал, что чем дальше от Грола, тем лучше. В чём-то он, наверное, был прав.

– Ху-у-ух! – тяжело вздыхает, опираясь руками о колени, напарник, отбежав на достаточно безопасное, по его мнению, расстояние. – Думал, всё, хана нам. Зачем ты в разговор лезла? Жить надоело?

– Жить с такой рожей? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Дура. Вырастешь, заработаешь на медкапсулу, всё исправишь, – возражает он мне.

Ну что же, в логике ему не откажешь. Доктора что-то по-

добное в клинике говорили. Вот только...

– Считаешь, что, сидя клянчей, я смогу заработать на такое лечение?

Даже не имея ещё толком мозгов, я уже тогда поняла своим скудным умишком, что, если ничего не изменить в своей жизни, уродиной до конца жить придётся. А в таком разе в существовании даже смысла нет. До самой смерти прозябать копчёной клянчей? Терпеть ухмылки и издёвки? Нет уж! Не надо мне такого «счастья». Лучше сдохнуть тогда.

– Э-э-э-м-м... – не нашёлся с ответом Шнырь. Потом подумал немного и сказал с уверенностью: – Я бы помог.

– А зачем тебе это? – Мы тогда впервые с ним разговаривали на столь серьёзную тему. Да и я в первый раз так глубоко задумалась о наших с ним отношениях. – Зачем ты возишься со мной? Почему учил читать, писать, считать? Почему не посмеялся, как все остальные, не оттолкнул?

Это были уже почти взрослые мысли и вопросы. Но дети, если выживают на дне, взрослеют быстро. Им приходится.

Вот только не ответил мне тогда Шнырь. Буркнул:

– Это не важно. – Смутился, но продолжил: – Пошли, будем устраивать тебя на новое место.

Зря он так. Для меня это было очень важно. Очень-очень важно!!! Но я поняла, что добиться от него ответа сейчас, скорее всего, невозможно. Может быть, когда-нибудь сам расскажет. Я подожду, мне не привыкать. Ведь у клянчи один из наиважнейших навыков – именно ждать.

Ну, и пошли переселяться. Начальство дало приказ. А оно у нас, в смысле начальство, такое, что приказы нужно выполнять с низкого старта и в точности. Вот мы и выполнили. Там-то и делать особо ничего не надо было. Зайти в старую казарму, доложить старшему клянч, что я больше не с ними. Забрать подушку, одеяло и простынь – вот и весь скарб, более личных вещей у меня не было. Вопросов ко мне не возникло. Видимо, старший предупреждение сверху уже получил.

На новом месте, правда, некоторые тёрки были. Тут немного иначе уклад жизни устроен. Видимо, от ранга человека зависит. Клянчи, к слову, это самый низший ранг. За ними, в сторону повышения естественно, идут работяги-добытчики. Это те, кто обеспечивает сытую жизнь всем остальным подразделениям на дне. Далее следуют пацаны, которые смогли как-то отличиться и попасть на общее обучение, до отсева. Выше них – старшие ученики. Эти уже работают... Я пока не знала, где они работают и кем, этого и Шнырь не знал. Ну и ладно, придёт время – узнаем. Над старшими учениками стоит личная гвардия Грола. Выше них только он сам. Такая вот иерархия.

Есть ещё одно подразделение, но оно как бы наособицу стоит и находится вне рангов. Это всевозможные технари. Те, кто поддерживает сносное техническое состояние коммуникаций, ремонтирует технику, которую находят на свалке, для последующей реализации на базаре. Тот же Сивый

– он медик. Насколько хороший, не скажу, но с допотопной медицинской капсулой вроде бы управляется. Ну и так далее. Ну да, работают люди за еду. Но ведь могли бы и сдохнуть. Они ж не просто так пришли на свалку дна Марстауна, жизнь заставила. И раз работают на Грола, значит, это единственный выход.

Но не о том речь. Тёрки возникли с соседом по жилищу. Пацаны живут по двое, в маленьких комнатусечках, иначе не скажешь. Небольшая такая конура, своеобразный пенал. Вдоль одной стены – две узкие койки, одна над одной. Сразу за ними, между спинками коек и дальней стеной – небольшой узкий шкафчик, разделённый надвое. Так сказать, для вещей двух жильцов. Вот и всё убранство. Вторая стена ограничивала узость прохода: от кроватей до неё не более полуметра. Не разгуляешься, в общем.

Но Шнырь ведь не один в этой комнате жил. Был ещё Сява, или Сявка – кому как нравится. Это имя такое или тоже погоняло? Да мне, собственно, без разницы было.

Я так поняла, что когда Шныря забрали с тренировки, этот Сявка порадовался даже. Думал, видимо, что с соседом по комнате полный кирдык случился, обычно ведь после такого не возвращаются. Уже даже в чужой шкафчик свой нос сунул. За этим занятием, собственно, и был застукан, за что примерно получил в лоб от Шныря. Мой друг не стал разбираться, прямо с ходу залепил в бубен. Сявка в крик – и к старшему. Им оказался тот самый тренер. Но тренер этот

был мужик – вернее, ещё парень, просто сильно постарше нас – вполне вменяемый. Когда вник в дело, ещё и добавил Сяве, щедро добавил. Да пинка прописал – для ускорения переселения.

Позже выяснилось, что жить Сява теперь будет с Воном. С виду имя вроде совсем ничего. Вернее, не имя, а кличка. Но так, по звучанию, чем-то даже китайским отдаёт. Китайским, но при этом нормальным. Однако это нормально, если не знать, от чего сокращение произошло. А произошло от Вонючки: уж больно этот Вон «благоухал».

Нет, тут с помывкой всё так же строго, как и у клянч. Даже строже. Впрочем, не то чтобы строже, просто чаще моются: тренировки ведь два раза в день, утром и вечером, значит, потеют чаще. Но бедняга Вон воняет всё равно. Тут дело не в том, что не моется, он делает это даже чаще всех остальных. Просто физиология такая. Ну не повезло ему. Таким вонючим родился, и вонять ему теперь до самой смерти. Так бывает.

Вот к нему Сяву и подселили. А это уже, считай, наказание: никто с Воном по доброй воле жить не желает. Хотя сам по себе этот Вон вполне нормальный пацан. Ещё бы не вонял, так цены б ему не было.

Глава 6

А довольствие в группе отсева оказалось действительно усиленным. Оно и понятно. Кем бы Грол ни был, но точно не дураком. Он прекрасно понимал, что у пацанов организмы молодые и растущие. Им и так-то, в обычной жизни, постоянно жрать хочется. Под обычной жизнью я понимаю ежедневную рутину в разных подразделениях, неважно, клянчи это или добытки. Кормят, в принципе, сносно, но не на убой. Не зажируешь, в общем. А в группе отсева тренируются почти весь день: с утра три часа, потом немного свободного времени и дальше выполняют ежедневные поручения, а там и новая тренировка почти до отбоя. Вот между тренировками Шнырь тогда и решил сгонять срубить битков полёгкому, дабы мне конфет купить.

Для меня его желание было открытием. И после его признания я ещё больше утвердилась в том, что он мне действительно самый настоящий друг. Хотя и делает вид, что я обузой на нём повисла, а сам... Да пофиг, что кривится. Готова всё что угодно простить. И что разговаривает порой грубо, и что перед пацанами сторонится. Мелочи это. Главное, что есть человек, которому я не безразлична. Да и причины, по которым он стал заботиться обо мне, тоже не важны. Меня сам факт устраивал.

Ну так вот. Возвращаюсь к молодым растущим организ-

мам. При такой нагрузке, которую обеспечивали почти постоянные тренировки, жрать надо вдвойне. Иначе можно ту-по загнать молодняк до смерти: без дополнительных калорий они ж не будут успевать восстанавливаться. Потому кормили тут не три раза в день, а пять. Можно было даже добавки попросить и, что характерно, получить её. Метаболизм-то у всех разный: кому-то хватает, а кому-то – нет. Так что начальство не жадничает в этом плане.

Причём большинство пацанов приходят в группу отсева не столько для того, чтобы прорваться дальше по карьерной лестнице в организации Учителя, сколько ради нормально жрать вволю. Хоть какое-то время нормально жрать. Для них попасть в эту группу – уже достижение, о котором потом, когда вернутся в привычные свои места обитания, они будут рассказывать. А слушатели станут завидовать, потому что попасть сюда тоже не каждому дано.

И тем не менее отсев проходят единицы. Не знаю почему. Может, не хотят, а может, страшатся того неизвестного, чем придётся заниматься на более высокой ступени. А тут, внизу, всё понятно и знакомо. К тому же жить можно, как ни крути, и если не стремишься к чему-то большему, то и нормально вполне.

А вот мне надо. Чувствую, что надо вырваться отсюда. Я ещё толком даже не понимаю почему. Так, смутные образы и аббревиатура – SN. Я должна узнать, кто это. Кто так легко и непринуждённо уничтожил мою жизнь. Мне обязательно

нужно это узнать. Однако до того момента как пешком на орбиту Деймоса.

А пока я с утробным урчанием трескала армейский рацион, причём не просроченный и сильно некомплектный, которым иногда потчевали клянч, а достаточно свежий. Ну, там неделя была ещё до просрочки, судя по цифрам на упаковке. И что интересно, рационы часто меняли, чтоб не приедались. Впрочем, скорее всего, такая забота была излишней. Жителям дна такая еда не приедается. Ибо знают: в любой момент лафа обломится, и потому харчат со свистом, чтобы впрок нажраться и дольше помнить потом, когда удивительный аттракцион невиданной щедрости всё-таки закончится.

Спать на новом месте тоже оказалось слаще. Ещё бы, никто не храпит, тётки взрослые не стонут громко, когда их кто-то пользует, никого не стесняясь. Ну красота же. Правда, подъём в группе отсева на целый час раньше, у клянч мне спать чутка подольше доводилось. А тут едва веки смежила, а уже вой сирены раздался прямо в нашей конуре. Захочешь проспать – хрен получится. Чтобы выключить пронзительно визжащую сирену, надо встать и нажать кнопку. А если после этого не выйдешь из комнаты, наказание одно – гон. Можно плохо справляться со своими задачами на тренировках, отставать в усвоении урезанной школьной программы. В худшем случае – пинок с подзатыльником и дополнительных десять кругов в спортзале. Но если не встал с общей побудкой – сразу на фиг туда, откуда выполз.

И да, я не оговорила счёт урезанной школьной программы. В группе отсева есть и такая дисциплина. Всего час в день, через день, но тем не менее. А вообще, парней набирать начинали в группу лет в десять и обучали два года. Два земных года. Так что я попала, считай, на два года раньше, а если точнее, учитывая, что до окончания обучения конкретно этой партии ребятшек оставалось всего полгода, то почти на четыре. И теперь мне предстояло наверстать эти самые полтора года за полгода, чтобы догнать всех остальных. Поблажек на возраст и полуторагодовое отставание никто, как выяснилось, давать не собирался.

Ну и как водится, утро следующего дня началось с давно привычных насмешек и издёвок. Водные процедуры-то, как и у клянч, производились оптом. Но там люди привычные и в основном взрослые или почти взрослые. А тут пацаны малолетние, и к тому же уже полтора года живущие отдельно. Ну и давай меня стebать по-всякому, в том числе и по половому различию прошлись. Но мне-то фиолетово на насмешки. Не они первые, не они последние. А то, что пипирками своими смущать пытались, так чего я там не видела? Этого добра среди клянч насмотрелась. Так что если удивить хотели... Короче, не вышло, разве рассмешили немного. Вот у моего напарника по работе (это я про «папу» Ваню) – вот там пипирка была. Всем пипиркам пипирка. Тётки от него шарахались с визгом, когда тот со своим «удавом» наперевес подкатывать пытался. А тут – стручки засохшие, да и только.

В общем, морду лица кирпичом сделала и типа не обращаю внимания, пусть себе зубоскалят. Впрочем, чего это я о кирпиче так? Он, в смысле кирпич, по сравнению с моей рожей красавец, наверно. И хотя я их (кирпичи) никогда не видела, но выражение слышала. На защиту Шныря я даже не рассчитывала. Нет, он правда пытался, да всем рот не заткнёшь, тем более что пацанов четырнадцать рыл, а есть среди них и те, кто прилично так посильнее самого Шныря будут.

Однако же все эти подначки для меня являлись лишь дополнительным стимулом. Они ведь ещё гадать начали, как скоро меня выпрут отсюда. Обидно стало. Ну, думаю, херов вам как дров. Не вылечу я. Сами скорее на отсеве посыплетесь. Костями лягу, но догоню или даже перегоню. А то ишь моду взяли – малявка да малявка. Сами-то далеко ушли? Я-то, может, и малявка, но даже так в общем строю в свои без малого восемь лет была не самой последней.

На завтрак вкуснющий рацион. А там ведь ещё сладости всякие. Ну да, не гражданские конфеты с настоящим шоколадом. Но кисленькие леденцы, чуть терпкое яблочное повидло с галетами и овсяная каша зашли на ура. Понятно, что синтетика всё, но тем не менее съедобно. А ещё был чай – настоящий, с сахаром. У-у-у, вкуснотища-а-а! Ничего вкуснее не ела. Хотя... Может, и ела раньше, когда мама с папой ещё живы были. Но то время уже таким далёким кажется, что и не помню. Было ли вообще? А чай – вот он, крепкий

такой и сладкий. Я пересыпала в кружку весь сахар из пакетиков, что были в пайке.

Потом мне выдали другую одежду. Тоже не новую, но поприличней тех обносков, что носили клянчи. Крепкие штаны, их все джинсами называли. Может, так и есть, я не в курсе. Синие такие штаны, плотные, хорошие короче. Футболку тоже почти новую дали и настоящие кроссовки. Немного ношенные, но зато точно по ноге. Тёмно-синие такие, под цвет джинсов получилось. Ещё курточку отслюнили от щедрот Грола. Чёрная куртка, с капюшоном, которым удобно прикрывать уродливую голову в толпе. Прямо Новый год с подарками случился. Сказали, что ещё несколько комплектов дадут позже: четыре футболки, одни джинсы, семь пар трусов и носков. Не жизнь – малина.

Правда, думалось так исключительно до начала тренировки. Кстати, она началась с казуса, вернее, с лёгкого недоразумения.

Тренер нас построил и говорит такой:

– У нас в команде новенькая. Зовут Цыпа. Выйди из строя.

Ну, вышла. Рано начинать перечить. Вот выучусь всему, тогда и посмотрим, кто цыпа, а кто курица в табаке.

– Новичка надо проверить. Что может, а что не может. Сявка, шаг вперёд.

Сявка, глумливо ухмыляясь, с готовностью шагает.

– Становись в стойку, – командует тренер.

Сявка, естественно, выполняет приказ. Кулаки выставил перед собой и ноги отчего-то слегка раздвинул, одну чуть поставив впереди второй.

– Цыпа, бей его. Задача – хотя бы достать.

Стою перед Сявкой и ничего не понимаю. А как бить-то? Руками или ногами? Никто ж ничего не объяснил. И главное, куда бить?

Тренер подзуживает:

– Ну, Цыпа! Давай! Покажи нам, что можешь.

Я в непонятках тупо перевожу взгляд с одного на другого.

– А как бить? – спрашиваю. – Сильно?

– Да как сможешь.

– А чем?

– Да хоть чем!

– И что, прям вот уже можно бить?

Народ хихикает, кто-то даже в голос ржёт, в том числе и сам тренер.

– Да, да! Можно! – разрешает он сквозь смех.

Сява тоже лыбится во всю харю. Ну, я и ударила. Ногой. Промеж ног. Его ног. Даже не думала особо. Он ведь так удобно их расставил. Само как-то вышло. А Сява, видимо, не готов оказался к такой подставе. Может, ждал бокса по правилам, или чему его там учили раньше. Так мне ж толком не объяснили, как надо. Сказали: мол, бей хоть как хоть чем да хоть куда. Ну и вот.

Сява лежит и скулит визгливо. Тренер челюсть отвалил,

остальные тоже молчат. А я снова не понимаю. Уже хватит или продолжать?

– Ещё бить? – уточняю сей аспект.

И тут пацаны грохнули. От смеха попадали где стояли. Тренер тоже в голос заржал. А я снова, как дура, стою в полном недоумении. Что не так-то? Сказали же бить и достать. Достала. Дальше-то что?

– Нет! – сквозь хохот выдавил тренер. – Хватит пока. Становись в строй.

Ну ладно. В строй так в строй. Веселье потихоньку сходит на нет, но парни ещё время от времени всхлипывают, похихатывая.

– Сявка, ты понял свою ошибку?

– Тренер, она не по правилам била, – скулит тот, копошась на полу и делая попытки встать на ноги.

– В драке, Сявка, правил не бывает. Противник не станет спрашивать о них перед боем. Он имеет задачу тебя уничтожить, и он это сделает любым доступным способом. В том числе вот таким. Просто, но максимально эффективно.

– Зачем тогда мы учим разные приёмы? – всё ещё не понимает парень.

Мне, к слову, тоже было непонятно. Какой смысл в беготне, если я, ничего не умея, заставила валяться пацана, полтора года занимавшегося вот этим всем.

– А занимаемся мы этим, – ответил тренер, – для того, чтобы быть готовыми к любым ситуациям. Просто ты не при-

нял девчонку всерьёз. Думал, что она ничего тебе сделать не сможет. Недооценил. Понимаешь? А вот если б был готов и внимательно следил за ней...

Читающий лекцию прервался, посмотрел на немного бледного Сяву:

– Вижу, ты мне не веришь? Хорошо. Наглядная демонстрация. Попробуй ударить меня.

– Как? Так же, как она?

– Именно.

Сява к тому времени уже встал. Поприседал немного, но нормальный цвет кожи пока не вернул. Видимо, переборщила немного, ударила сильнее, чем хотела. Но пацан всё же смог собраться и повторил, вернее попытался повторить мой трюк. Правда, ожидаемо у него ничего не получилось. Ударную ногу тренер легко, даже играючи, заблокировал, а потом уже сам атаковал, подбив опорную. Доли секунды – и вот Сява снова на полу и пытается вдохнуть воздух в лёгкие. Так бывает, если упасть на спину, какое-то время вдохнуть невозможно. Несколько секунд должно пройти, прежде чем функция дыхания восстановится.

– Вот так, Сявка, – резюмировал тренер. – И ты бы так смог, если бы внимательней относился к противнику, лучше слушал мои указания и более усердно тренировался. Кроме того, сейчас бы не лежал, выпучив глаза, если б не забыл про страховку. Мы же её постоянно отрабатываем. Для кого я тут распинаюсь каждый день? Кстати, Цыпа, сможешь объ-

яснить, почему ты именно так ударила?

Я задумалась немного. В общем-то, на самом деле даже не соображала особо. Там скорее были инстинкты и глазомер. Руки у Сявки чуть длиннее, к тому же он именно мои руки мониторил, это было заметно. Поверху прорваться шанса не было. А вот за своим низом вообще не следил. Потому и выбрала удар ногой. Но это ненастоящие мысли были, а, собственно, ощущения и интуиция. Вот когда спросили, я уже задумалась и поняла сама себя. Но в тот момент реально не думала.

Всё это я и озвучила. Ну, в смысле почему именно так поступила. Все остальное по поводу отсутствия мыслей оставила при себе.

– Ну вот, – удовлетворённо кивнул тренер. – Врождённое умение оценить ситуацию и выбрать правильную тактику. Плюс отличная реакция. Хороший материал, будем работать. А теперь – побежали. Посмотрим заодно, как у нашей Цыпы с выносливостью.

Вот когда я поняла разницу между собой и парнями. Сдохла уже минут через пятнадцать бега, ещё даже до падений и отжиманий не дошли. Народ, понятное дело, начал глумливо похихикивать. Сявка так и вовсе старался за двоих. Но его понять можно: из-за какой-то приبلудной корявки его к Вону переселили, потом она же посягнула на самое ценное для самца, а после ещё тренер добавил. Там я уже не участвовала, но то, что своё эпичное падение на спину пацан

записал на мой счёт, совершенно ясно. Вот и пытается хоть как-то реабилитироваться. Подозреваю, что ещё и отомстить как-то захочет.

А мне что? Мне оставалось только продолжать бежать – через силу, через не могу. Нельзя им показывать свою слабость. Подумаешь, мальчишки. Я не хуже. Вот и бегу. Пот льёт градом. Футболка давно мокрая – хоть выжимай. А тут начались уже однажды виденные мной падения, отжимания, приседания и раскачивание корпуса. Выяснилось, что, оказывается, у меня и руки слабые. Погасить ими падение ещё кое-как получается, а вот обратно отжаться – как-то не очень. Но я продолжаю пыхтеть. Пацаны уже на пару кругов меня обгоняют, даже самые слабые на круг обошли. Но ничего, я всё равно их догоню. В общем, эти три часа были адом для меня.

После окончания тренировки пацаны радостно загалдели. Теперь наконец-то можно отдохнуть, помыться и поесть, плюс несколько свободных часов. Красота, блин. Я уже предвкушала расслабленное лежание на узкой койке после сытного обеда. Но не тут-то было.

– Шнырь, Цыпа, задержитесь.

Мы встали, недоумённо переглядываясь. Чего ещё от нас надо? Честно отбежали всю тренировку. Снова, что ли, бегать? Самые лысые? Впрочем, я – да, волосы ведь вообще не растут. Но Шнырь-то чего? У него с этим всё в порядке.

Остановились и все остальные парни. Но тут же были от-

правлены дальше:

– Остальные пока свободны. Валите отсюда.

Народ тут же про нас позабыл и потрусил на обед.

– Так, вы двое. У вас ещё ничего не закончилось. Сейчас идёте вместе со всеми. Моетесь, переодеваетесь и обедаете. После снова возвращаетесь сюда.

– Зачем? – Это я не удержалась.

Шнырь-то молчит, а мне непонятно. А кода непонятно, это плохо и, что характерно, зачастую опасно. Плачевный личный опыт подсказывает, что чем меньше непонятного, тем лучше. Не люблю, когда непонятно.

– А вы забыли, что наказание с вас не сняли?

– Нет, не забыли. – Отвечаю, а друган толкает локтем в бок: мол, уймись. Однако я не могу. – Но его ж отсрочили вроде бы.

– Да мне без разницы, – ухмыляется тренер. – На вас обоих поступил отдельный приказ об усилении тренировок. И даже не я буду этим заниматься.

– А кто? – снова язык вперёд мысли сработал.

– Вот придёте сюда, всё и узнаете. Задача ясна?

– Так точно! – Снова хором.

– Тогда бего-о-ом марш, бойцы! – заржал тренер и повернулся к нам спиной, направляясь, видимо, по своим делам.

Руки-ноги после непривычных нагрузок что деревянные. Тем не менее это не помешало мне нормально помыться и переодеться. Ну, в смысле футболку поменять и джинсы с

трусами, благо к нашему возвращению в двухместную конуру недостающий комплект одежды уже лежал на моей кровати, вернее койке. Джинсы, к слову, были эластичными, так что в качестве спортивных штанов подходили очень неплохо.

Потом отнесли грязную одежду в прачечную. Тут снова отличие от бытового уклада клянч. Там одежду стирали вручную специально назначенные для этого люди. Тут же стоял ультразвуковой автомат. Засунул одежду туда как есть – вытащил уже как бы чистую. Ну да, стиральная машина тоже не первой свежести, скорее всего, из восстановленных со свалки. Но, как говорится, дарёному коню в задницу не заглядывают. Однако ничего удивительного. Подразделение на два ранга выше клянч, плюс народу не так много. Отдельно держать команду прачек смысла нет. Вот так, как есть, проще и быстрее. Раз – и всё чистое.

Обед провалился куда-то во внутренние мои недра, словно в прорву. Хотела было попросить добавки, но Шнырь отговорил:

– Фиг знает, что там будет. Лучше не переедать, поверь.

Я подумала немного и согласилась.

Пришло время снова возвращаться в зал. Когда уходили из расположения группы, ощутила острую зависть. В коридоре, где двери комнат смотрели друг на друга, была полная тишина: пацаны вкушали отдых после обеда. А мы, вместо того чтобы вялиться параллельными курсами, обязаны идти

куда-то непонятно зачем.

В спортзале нас ждал Ден. Ну да, следовало догадаться. Учитель же вчера говорил, что ему придётся за нами приглядывать. Так «приглядывать» ведь от слова «глядеть» происходит. Разве нет? Чего припёрся? Пришёл бы чуть раньше да и насмотрелся вдоволь. Так я думала. Но немного погодя поняла, что слово «приглядывать» в понимании Учителя происходит от совсем другого понятия, а именно от «замучить». Потому что именно этим занялся Ден.

– О, субчики нарушители пожаловали. Что-то вы не особо торопились. И радости на лицах нет.

Стоим, молчим. Тут как раз не тот случай, чтобы лезть с вопросами: время неподходящее. Всё равно ведь сам расскажет.

– Значит так, ребятки. У вас программа обучения будет немного плотнее, чем у остальных. Посмотрим, получится ли из вас сделать нечто большее. Основной упор на тебя, Цыпа. Шнырь будет твоей поддержкой. Но это потом. А пока вот...

Мужик взял сумку, что стояла у стены, и поставил перед нами. Открыл её. А там... Чего там только не было. Одних ножей разных форм и размеров пара десятков. В общем, колюще-режущий инструмент и ещё разное, не очень понятное. Какие-то тонкие проволоочки с ручками, тоже тонкие и гибкие спицы, цепочки с грузиками на конце, что-то вроде оперённых гвоздей и ещё масса всего.

– И что это? – спрашиваю я.

– Это? А это твой рабочий инвентарь. Пока как учебные пособия, а дальше... кто знает.

Молчу. Слабо представляю, как всем этим пользоваться и, самое главное, зачем. Зато, видимо, это прекрасно представлял Ден. Железо он просто показал. Как говорится, чтобы знали, к чему готовиться, но начал не с него.

– Шнурь, – спросил он моего друга, – тренер вас на растяжение гоняет?

– Да, – отвечает тот, – три раза в неделю тянемся.

– Теперь будете каждый день. Вдвоём. Я покажу, что и как, а дальше сами.

– Сами?

– Угу. Считайте это своеобразной проверкой. Справитесь – будем дальше работать. А нет...

Говорить, что будет, если не справимся, смысла не было, нам это вчера очень доходчиво объяснил Учитель.

– Мы справимся, – это уже я сказала.

– Молодец, Цыпа! Отличный настрой. У нас три часа, прежде чем начнётся ваша вторая тренировка. Понимаю, что такой темп вы не потянете. Поэтому тренер вам будет уделять по часу своей дисциплины. То есть за час до окончания основной тренировки начинаете работать по моему плану и ещё полчаса после тренировки. Чтобы в итоге у вас было по полтора часа два раза в день. Всё равно тяжело будет, я знаю. Но надо перетерпеть. А чтобы мышцы не порвать с непри-

вычки, покажу, как делать массаж. Будете друг друга разминать. Заодно и пощупаете вволю, вас же женихом и невестой дразнят.

И угорает, словно действительно что-то смешное сказал. Зря я вчера его напарнику в рот битком зарядила, не стоил Ден того, как оказалось. Вчерашний плюсик в карму снимается сегодняшним минусом. Тебе тоже смех в глотку засуну.

А дальше началось. Если думала, что предыдущая тренировка была тяжёлой... Короче, ошибалась я. Сильно ошибалась. Сложилось впечатление, что Ден решил окончательно нас добить. То есть привести отсроченный приговор в исполнение раньше отмеренного срока. Растяжка – это больно. Не орала как резаная исключительно из упрямства, чтобы не доставить удовольствия садисту. Но слёзы, которые от боли сами брызгали из глаз, не спрячешь. Эти предатели с головой выдавали моё состояние.

Минут сорок этот гад издевался над нами. Причём над мной особенно, приговаривая при этом:

– Ничего-ничего! Не благодари. Спасибо скажешь, когда Учитель за тебя всерьёз возьмётся.

Причём эту фразу он произнёс без обычной насмешки. Видимо, не врал. Вот только я не понимала, как может быть хуже.

Дальше дошло дело и до железа. Из сумки извлекли несколько ножей, разных по форме, длине и весу, причём баланс каждого клинка тоже сильно разнился. Это я почув-

ствовала, потрогав все железки по очереди. Кстати, ножи были неострые, самый кончик только, а кромки, которые должны быть острыми, почему-то оказались совсем тупыми.

– Это тренировочные клинки, – ответил Ден на немой вопрос в моих глазах. – Будешь тренироваться их метать. С точностью у тебя порядок, посмотрим, что с координацией. Но это дело будущего. Для начала – вот...

Он подкинул нож, тот сделал два оборота в воздухе и снова упал в ладонь.

– И вот так...

Нож снова кувыркается, только теперь три с половиной оборота, и ловится уже не за лезвие, а за рукоять. Потом Ден начинает подбрасывать его одной рукой, а ловить другой – как жонглёр действовал. В какой-то момент в воздухе уже летали три ножа. Я вылупила глаза в восхищении: хочу!

И тут же один из ножей меняет траекторию полёта.

– Лови!

Я поймала. Это оказалось не сложнее, чем кидать монету. Нож крутился в воздухе неспешно. Правда, был тяжёлым, и руку, правую, которой я его словила за рукоять, аж немного назад забросило.

– Неплохо, Цыпа. Очень неплохо. Правша, значит? Ничего, и левой будешь пользоваться как правой, никуда не денешься. Шнырь, тебя это тоже касается. В общем, так. Через три дня приду, проверю успехи. Если не покажете хоть какой-то приемлемый результат, пеняйте на себя. Ваша жизнь

в ваших же руках. Сумка остаётся здесь, вам её будет выдавать тренер. К вечерней тренировке принесут манекен, на нём надо будет отрабатывать броски. Но это позже. Всё понятно?

Молчим. Но куда уж понятнее. Вынь результат да положи. А нет – ногами вперёд. Схема несложная. Ещё бы управиться получилось.

Глава 7

На следующий день выяснилось, что, оказывается, ещё не все слёзы выплакала. Но если первый день тренировок показался адом, то все последующие даже не знаю, как назвать: просто нет подходящего эпитета. Я уж было подумала, что боль для меня стала чем-то привычным и уж точно слезу не выдавит. Ан нет. Когда ты просыпаешься, а твоё тело кричит от боли...

Помню, как ночью, после тренировок первого дня, проснулась оттого, что не чувствую рук. Они как будто онемели, пальцы не сгибаются, запястья опухли. Подняла их через силу и чувствую, как тысячи, миллионы иголок впились в разгорячённую плоть. Через минуту-другую стало чуточку полегче, но едва опустила руки вдоль тела, они снова начали отекать. То же и с ногами. Шнырь сопит себе: он-то привычный. А мне гордость не позволяет попросить помощи. Так и промучилась всю ночь до сирены общей побудки, поднимая по очереди то руки, то ноги для снятия отёка. Со стороны, поди, выглядело забавно.

Сам подъём, в смысле вставание с постели, как очередная пытка. Друг заметил моё состояние и предложил:

– Давай ещё массаж?

– Нет, – скриплю, – опоздаем, а нам нельзя.

– Тогда в душе максимально горячую воду сделай. Это

тренер нам советовал, ещё в самом начале. Мышцы прогреваются. Мне помогало.

– Хорошо, – согласилась я. Почему бы и не попробовать?

И оказалось, что тренер не соврал. Постепенно, с увеличением температуры воды, боль отступала. Не то чтобы совсем, но передвигаться и не охать на каждом шагу стало возможным. Вышеупомянутый тренер, к слову, заметил моё состояние, но вида не подал. Да чего уж, моей походки враскоряку только слепой бы не заметил.

Новая волна пацанячьего юмора не заставила себя ждать. Но я бегу. Хрен вам, а не мои слёзы. Но что интересно, бег даже помог. Думала, умру ещё на третьем круге, а потом почувствовала, что, вопреки ожиданиям, становится легче. Нет, боль не ушла окончательно, но жить стало реально проще.

После тренировки снова душ, переодевание, обед – и назад. Тут нас ждал тренер с сумкой и обещанным манекеном. Ден говорил, что доставят ещё вчера вечером, но, видимо, как-то не срослось. Да мы, в общем-то, и не в обиде. А манекен интересный, никогда такого не видела. Впрочем, на тот момент я никаких манекенов ещё не видела: ни спортивных, ни для демонстрации одежды. Последние вообще редкость, сейчас больше голограммы...

Но не о том речь. Это был спортивный тренажёр в виде человеческой фигуры в полный рост, причём очень технологичный. Сделан из какого-то странного материала. Тренер

сказал, что это специальный баллистический гель. Он якобы один в один повторяет плотность человеческих тканей. Мне было хреново, потому информацию воспринимала, но без энтузиазма. Раз говорит, значит, так и есть. С чего бы ему врать?

Но не только в этом заключалась интересность объекта. Это было скорее анатомическое пособие. По желанию поверхность становилась прозрачной и тогда, снова по мере надобности, можно было увидеть полную структуру скелета или мышечного каркаса, кровеносно-сосудистой системы, нервных узлов, всевозможных органов и всего остального, чем напичкано тело человека.

Далее мы со Шнырём снова занимались растяжкой, а тренер проводил урок анатомии, объясняя и показывая воочию, что в теле для чего и что будет, ежели ткнуть острой железкой туда-то и сюда-то. В тот день был просто урок анатомии, но постепенно, день ото дня, уроки становились сложнее. Приходилось запоминать, чтобы потом, если спросят, показать и рассказать урок, иначе...

Через три дня, как и обещал, появился Ден. Проверил наши успехи. Не то чтобы остался доволен, но и особо не придирался. Надо отметить, что все эти фокусы с подбрасыванием разных ножей мне давались не в пример легче, чем Шнырю. Один нож он ещё как-то умудрялся контролировать, а я без особого напряжения могла работать сразу с двумя. Левая рука уже на третий день стала слушаться вполне сносно. Го-

ворю «сносно», потому что у друга вообще ничего не получалось.

Если бы ещё во время этих упражнений тренер не бубнил о важности таких органов, как печень, селезёнка, почки и прочие, проще было бы концентрировать внимание. А так мало того что этот бубнёж надо слушать, так ещё и запоминать надо. Нет, специально слушать не заставляли. Но если прослушал, а потом не ответил правильно на вопрос – десять кругов по залу. Пацаны над нами потешались как могли, их-то так не гоняли.

В общем, Ден раздал новые ЦУ (ценные указания), обязательные к выполнению, между прочим, и снова отбыл. А мы остались тянуть лямку.

Однако описывать каждый день из того оставшегося до главного экзамена полугодия смысла нет. Скажу только, что к третьей неделе боли ушли, словно их и не было. Пробежать десяток кругов? Да легко. Вместе со Шнырём мы всегда лидировали в забегах. Раз в три дня, как положено, приходил Ден, раздавал новые ЦУ и сваливал. Обычная программа тренировок для меня перестала быть чем-то неподъёмным.

Урезанная школьная программа тоже усвоена. Да там и усваивать-то нечего. Знания русского и английского языков по минимуму и математические упражнения. Английский – это общий язык в Земном Союзе. Раз в два дня приходила какая-то тётка, читала лекцию и давала задание на дом. Все-

го час в день мы занимались в спортзале, строча маркером на планшетах диктанты, да решали не шибко сложные арифметические задачки, а потом на них же (планшетах) делали домашнее задание.

Оценки нам ставили дополнительными кругами, которые надо пробежать. Чем хуже усвоен материал, тем больше кругов. Интересная такая мотивация, я бы даже сказала, очень действенная. Ну а что? Не хочешь работать головой – работай физически. Польза в любом случае будет, не в одной области, так в другой.

Вот только в плане конкретно боевой подготовки я отставала сильно. Впрочем, ей (боевой подготовке) не так уж много времени уделялось, основной упор был на общую физическую. Видимо, из расчёта, что этим плотно придётся заниматься на следующей ступени. Ну и как бы я в таком разе догнала остальных? Тем не менее как-то вывозила спарринги, правда, лишь на скорости и реакции. Но по большей части отхватывала люлей через раз да каждый раз.

Связки приёмов получались у меня из рук вон плохо: практики мало. Что такое полгода занятий? Шнырь со мной занимался, конечно, но времени было в обрез, и так нагружены до предела. Эти вон (я имею в виду парней) два года тренировались, и то даже мне, убогой, понятно, что бойцы из них как из стеклоткани трусы. Из пятнадцати пацанов худо-бедно чему-то научились лишь пятеро, Шнырь в их числе.

Кстати, Вон – это тот парень, что воняет невероятно, аж глаз слезится – тоже попал в пятёрку лучших. Он даже к нам со Шнырём напросился тренироваться, когда заметил быстрый прогресс – мой прогресс. Упорный парень, я его даже зауважала. Но воняет от него и правда – хоть стой, хоть падай. Эта особенность его организма сводит на нет все усилия бедолаги. Но мы не стали его отталкивать, терпели. Вернее, друг бы его прогнал, но мне жалко стало. Вон ведь чем-то похож на меня. Я имею в виду одиночество. В моём случае роль играет внешность, а у пацана – запах. А в итоге хрен всё равно редьки не слаще. Шнырь, конечно же, кривился, но ради меня терпел. Потому что я попросила.

К тому моменту, как пришло время отсева, ради которого всё, собственно, и затевалось, я уже легко работала сразу с шестью ножами, да и метать их научилась прилично. А с меткостью и глазомером, как выяснилось во время памятной игры в пристенок, от рождения было хорошо. Хотя на экзамене, где присутствовал лично Грол, это не проверяли, а обычную рукопашную схватку я откровенно завалила. И тем не менее отсев всё-таки прошла.

Впрочем, сказать, что схватку прямо вот завалила, тоже нельзя. Меня ж, как в насмешку, поставили против Чамы. А он, между прочим, самым лучшим из нас был именно в рукопашке, даже Шнырь ему сильно уступал. Почему обязательно надо было поставить против него такую неумеху, как я, до сих пор не понимаю. Но моё мнение, как обычно, спро-

силь забыли.

Соображая, что Чама меня тупо размахнет, едва подставлюсь под удар, я вертелась вокруг него на дистанции, во всяком случае, насколько это было возможно. Пятак для боя был ограниченного размера, потому пришлось крутиться юлой. Надо ведь было ещё умудриться не заступить за край площадки. В общем, не бой получился, а танцы. Чама в конце стоял злой и красный: ему так хотелось показать, чему он научился, чтобы пройти отбор, а я всё отведённое время бегала от него. Обидно пацану, понимаю.

Благо Учитель таки увидел то, что хотел увидеть, и отобрал всех, кто приглянулся, в том числе и меня. Переволновалась – жуть. Ведь мой провал – это не просто отсев, там «костлявая» маячила за спиной. Слава богу, мы со Шнырём проскочили.

После сдачи экзамена группу расформировали. Все, кто прошёл отбор, переводились на следующую ступень, остальные же – по «домам». Каких-то процедур расставания и тёплых проводов не устраивали, всё произошло обыденно. Может, и сдружились некоторые ребята за два года, проведённые вместе... Но точно не со мной. Всего-то полгода с ними провела, да и то, скорее, в качестве мишени для насмешек. Шнырь, тот сам по себе одиночкой был и, как я поняла, старался не заводить близких знакомств. Я была исключением по каким-то, скорее всего, личным мотивам, о которых он молчит как рыба об лёд.

В общем, нас шестерых (это те, кого отобрали из группы) задержали немного, а когда мы вернулись в расположение, чтобы забрать личные вещи, никого уже не было, все разошлись. И никто из пяти ребят (я себя не считаю) не выказал разочарования, что не успел проститься с ушедшими. Типа помер Максим, да и хрен бы с ним. Странно, но это не моё дело.

Мы же перебирались на новое место, которое оказалось на первом уровне города. То есть до этого мы жили ниже уровня поверхности планеты. Там, где за жильё можно не платить в принципе. Большинство горожан даже не догадываются о том, что под городом есть ещё один город. Не сильно большой, но тем не менее густонаселённый. О нём знают разве что посвящённые, такие как Грол к примеру, да сами жители технотрущоб. Не сказать, что теперь мы будем жить лучше, чем жили до этого, однако уже не на самом дне. Тут живёт многочисленный персонал ещё теплящихся на грани рентабельности шахт и самые низкооплачиваемые рабочие люди. Не бог весть что, но лучше, чем было.

Предполагалось, что наша шестёрка должна влиться в новую группу. Тут занимались старшие ребята, и они, по слухам, кроме учёбы и интенсивных тренировок ещё вроде как работали где-то. Но где и кем, пока не сказали. Любопытство не приветствуется, значит, лучше помолчать и лишних вопросов не задавать, ибо себе дороже может обернуться.

Бедолаге Вону снова не повезло. Или, наоборот, повезло,

тут ведь как посмотреть. Так что да, скорее не повезло тому, кто попал к нему в пару на проживание. Нам-то со Шнырём решать нечего, изначально определились, что так и будем жить вместе. Другая пара тоже договорилась заранее. А вот Чама, это тот, с кем на экзамене «дралась», проворонил вспышку. Может, думал, что на новом ранге выделят отдельное жильё... Собственно, он был прав в некоторой степени. Самые старшие жили уже отдельно, арендуя у города персональные апартаменты. Но до появления такой возможности – общежитие и комнаты на двоих. Точно такие же пеналы, как те, что мы покинули совсем недавно.

Короче, Чама наотрез отказался заселяться в одни «апартаменты» с Воном: мол, лучше прямо тут, в коридоре, буду спать, чем травиться ядовитыми миазмами. Такой вот скандал закатил, ну, или истерику устроил. Однако же понять его тоже можно. Даже местный смотрящий внял его воплям, едва подошёл и унюхал амбре, которым разило от Вона. Несчастный Вон стоял красный от стыда, но сами посудите: что он мог поделать? Физиологию поменять, или правильнее будет сказать «подправить», если и можно, то точно не на дне. Видимо, собственная вонь являлась своеобразной мотивацией для парня, и не самой плохой, откровенно говоря. Какие бы мотивы ни двигали человеком в его жизненном пути на вершину, главное, что он идёт. И только время рассудит, чья мотивация была лучше.

Так что да. Чаму подселили к кому-то из старших, а Вона,

чтобы один не занимал целую комнату и уж тем более не провонял её, засунули на проживание в какой-то чулан. Старший сказал, что на одного места хватит, а вентиляция там даже лучше, чем в комнатах, ибо та конура когда-то являлась сушилкой для рабочей одежды шахтёров. Правда, чтобы заселиться, Вону пришлось освободить помещение от всевозможного хлама и спать на ложе, составленном из пластиковых ящиков: кровати в комнатах стационарные и транспортировке не подлежат. Кто другой, может, и расстроился бы, но только не Вон. Сиял рожей, как рекламный голографический баннер.

И вот вроде бы переселились на новое место, занимаем более высокий ранг в непонятной мне пока иерархии организации Грола, но на самом деле мало что изменилось. Точно такая же клетушка, общие душевая и туалет. Разве что людей тут было больше, а значит, специфичных заведений (я про душевые и туалеты) по несколько каждого вида. Общей столовой, правда, не имелось, пищу – те же самые армейские пайки – принимали в своих каморках.

С дисциплиной так же строго. Отличие лишь в том, что если в группе отсева весь надзор осуществлял наш тренер, он же главный воспитатель, он же вообще самый главный на своём месте, то тут по большей части руководили старшие ученики. Или правильнее их уже курсантами называть? Да мне без разницы, если честно. Я начала двигаться к своей цели – вот что важнее всего.

Короче, руководили новичками и осуществляли тренировочный процесс назначенные парни из среднего звена. Это те, кто учится тут уже не менее трёх лет. Помните, уже говорила, что в группу отсева набирают в десять лет. Там пацаны обучаются два года. Потом, если смог пройти этот самый отсев, попадаешь сюда, и учиться придётся до совершеннолетия, то есть ещё шесть лет. Некоторые и дольше задерживаются. Я же прошла отбор в восемь, значит, куковать на два года больше, вплоть до получения нейросети.

Её ставят всем: хочешь не хочешь, всё равно воткнут. Хоть базовую, то есть бесплатную, но установят. Это ведь в первую очередь идентификатор гражданина, чей голос на тех или иных выборах может стать решающим. Так что да, воткнут, и думать не могли остаться чистым. Для этого (сама не застала уже, но слышала байки про старые времена) даже облавы на дне проводили, отлавливая беспризорный молодежь.

А это ведь негативно сказывалось на теневом бизнесе этого самого дна. Кому из теневых воротил надо, чтобы тут «фараоны» постоянно шныряли? Правильно, никому. Потому Грол за этим делом зорко следит. Его коллеги по бизнесу из других группировок делают то же самое: ну никто не хочет связываться с официальными властями. Власть же такое положение вещей, видимо, тоже устраивает. А может, даже некий негласный договор заключили: мол, мы не лезем в вашу клоаку, а вы там у себя внизу обеспечьте прирост население.

ния и планомерную регистрацию молодых людей. Всем хорошо. Однако о самих нейросетях немного позже, ещё дойдёт очередь рассказать, что это такое и с чем их едят.

Ну вот, значит, приглядывают за нами и тренируют нас ребята среднего звена, а ими руководят самые старшие. Естественно, таких тренеров выбирают среди лучших на потоке, ну а старшаками, понятное дело, занимаются настоящие тренеры. Или один тренер. В тот момент ещё не знала, как оно там будет.

Спортзалов, к слову, тоже было несколько. Оно и понятно, чтобы в одном не давиться всем и не мешать друг другу, процесс ведь должен идти непрерывно и без задержек. Но сами эти залы от нашего в группе отсева отличались как небо и земля. Тут и тренажёры разнокалиберные, и ещё куча всего, назначение которого не знала и даже догадаться не могла поначалу. Беготня тоже была, как разогрев, а потом начиналось отработка приемов рукопашного боя как есть и с утяжелителями, самостоятельно и в парах.

Всё это перемежалось работой на тренажёрах, и снова практические занятия. Темп бешеный. Потом гимнастика и атлетика. Это значит растяжка и работа с весом собственного тела на турниках, козлах, конях, кольцах (меня даже на бревно загнали). Ещё лазанье по стенам с такими странными нашлёпками, за которые надо цепляться – просто лазить и с применением всех конечностей, и на одних только руках. Господи боже! Ад? В группе отсева? Да там курорт был по

сравнению с тем, как за нас взялись здесь. Подъём ещё на час раньше, потом вся вот эта байда, обед, час отдыха – и по новой.

Правда, не для меня. Моей персоне после обеда уделялось особое внимание, и не в общем зале. С чего бы мне такое исключение? Да лучше б я вместе со всеми в зале потела. Тут народ повзрослее и посерьёзней, чем было раньше, однако же не без своих юмористов. Хватало кому зубоскалить по поводу моей внешности и пола. Стручками своими, правда, не пугали, и то хлеб. Может быть, народ на тренировках так выматывался, что тупо не до хи-хи было? Очень может быть.

Итак, первый день на новом месте, первая тренировка... Что о них можно сказать? Ну, разве лишь то, что ржали не только надо мной. Все шестеро – новички, и чему бы нас до этого ни учили, это ни в какое сравнение не шло с тем, чему начали учить теперь. Общая физическая подготовка, как уже говорилось, разве что для разогрева мышц, а потом – ад. Ну да ладно. Отбегала, отпрыгала, отлазала, наполучала тумачков... В общем, всего с горкой отсыпали, и не мне одной.

Слава богу, что нам со Шнырём не надо было и обеденное время тратить на метание ножей, жонглирование ими и так далее. С удовольствием поспала два часа после обеда. Но едва пришло время снова идти на тренировку вместе со всеми, за мной пришли. Кто? Так Ден заявился. Сказал, что Учитель вызывает, а он вроде провожатого будет, чтобы не заблудилась по дороге. Мне подумалось тогда, что не столь-

ко провожатый, сколько конвоир, но озвучивать свои мысли не стала.

На вопрос, зачем вызывают, ответил: мол, на месте всё узнаю. Шнырь тоже засобирился было, мы же впоследствии парой должны были обучаться и работать. Однако нет, Ден его осадил: дескать, планы поменялись, ты остаёшься здесь и работаешь вместе со всеми по общей программе.

Всё совсем запуталось. Я снова ничего не понимала, а вот этого больше всего не люблю. Что случилось? Поведут убивать? Тогда какой был смысл сюда тащить? Грохнуть могли и на дне, даже удобнее: свалка там недалеко, самое место. Тогда зачем зовут? Вряд ли ведь чтобы похвалить. Ненавижу подобные ситуации. Но ладно, выбирать не приходится.

Сообразив, что Учитель, скорее всего, обитает где-то гораздо выше, я быстро собралась и, напялив капюшон курточки поглубже на голову, отправилась вслед за провожатым. Вернее, он направился за мной, вовремя указывая дорогу.

Как давно, по ощущениям, я не была в нормальном городе и среди нормальных людей? Ну, тех обычных, что есть в любом мегаполисе и на любой станции. Так-то они мало чем отличаются от себе подобных, живущих у нас на дне или ближе к нему. Мало, но тем не менее отличаются. Нет в них той тоскливой безысходности, которая буквально сочится из клянч, к примеру (с другими мало сталкивалась). У этих, нормальных, лица выражали уверенность в завтрашнем дне.

Да и одеты они были иначе. Совсем иначе. Комбинезон

– одежда удобная и практичная, спору нет, однако больше для работы подходит, и нормальные люди в свободное от неё время стараются одеваться тоже нормально. Мелькают короткие юбки и длинные стройные ноги красивых женщин, нередко встречаются весьма открытые декольте. Мужчины ходят в дорогих костюмах, а если нет и одеты попроще, то вот эта самая одежда все равно не выглядит дешёвкой. И цвета – целая феерия цветовой гаммы.

Впрочем, Ден тащил меня наверх не для того, чтобы порадовать мой взор. В лифтовой кабине так и вовсе задвинул в угол и прикрыл собой, чтобы меньше мельтешила и не бросалась в глаза. Хм, как-то двусмысленно получилось... Вы только не подумайте, что я на людей бросаюсь, пытаюсь выковырять им глаза. Вовсе нет. Просто мою рожу как ни прячь, а всё равно заметно. Потому и прикрыл меня конвоир, чтобы не мозолила местным господам их ясный и незамутнённый взгляд. Но я всё одно украдкой зыркала из-за его спины: интересно же.

Через некоторое время мы вышли из лифтового транспортёра и оказались... Даже не знаю, как это назвать. Что-то вроде огромной террасы или остеклённого балкона, приделанного сбоку одного из городских шпилей. И тут был парк. Настоящий парк. Во всяком случае, мне так показалось. Много зелени – цветы, кусты, деревья. Тенистые аллеи. Даже птицы весело щебетали под стеклянным куполом. И магазины, магазины, магазины, магазины. Атмосфера пря-

мо волшебная. Гуляют люди – поодиночке, парами, небольшими группами. Группами в основном молодёжь. Мамаши в гравиколясках своих отпрысков выгуливают. Эдакое место отдыха и заодно торговая зона.

Вот в один из магазинчиков мы и зашли. Удивительно, но это оказался магазин, торгующий оружием. Вот честно, в таком месте (я имею в виду зелень и щебечущих птичек с гуляющими мамашами) ожидаешь каких-нибудь сладостей, прохладительных напитков – в общем, чего угодно, но не полки с приспособлениями для убийства себе подобных.

Меня провели мимо этих полок и завели в подсобное помещение, вход в которое находился за прилавком. Продавец, молодой парень, ни слова не сказал: видимо, предупреждён, да и с Деном явно хорошо знаком, потому что крепко пожал тому руку. Ну и ладно. Мне-то что? Не до пацанячьих жестов приветствия. Внутри нарастало беспокойство. Вот чувствую, что неспроста всё. Нервы натянуты как струна, даже потряхивает немного. Не от страха, от неизвестности. Тревожно, короче.

За «кулисами» магазина было много помещений. Все они заставлены пластиковыми ящиками, в основном тёмно-зелёного цвета. Позже я узнала, что в таких как раз оружие и транспортируется. А цвет – дань земной традиции. Ящики разные: большие и маленькие, средних размеров. Всё стоит штабелями, пронумеровано. И только одно, достаточно большое помещение не содержало в себе каких-либо това-

ров. Может, и другие были, но я не видела. И как догадалась, тут наше путешествие заканчивалось.

Потому что хоть помещение и не содержало ничего ценного, зато здесь имелся Грол собственной персоной. Он сидел на стуле возле одной из стен. Рядом с ним стояли тот самый манекен, что был знаком мне ещё по группе отсева, и та самая сумка с кучей разных приспособлений для втыкания куда-то или в кого-то.

– А вот и Цыпа, наша Верная Рука. Как устроилась на новом месте? – спрашивает Грол радушно, словно позвал на чай, дабы осведомиться у любимой воспитанницы, как у неё дела.

Вот и что ему ответить? Внутри-то всё звенит. Чего ему надо вообще? В итоге просто пожала плечами: дескать, нормально всё.

– А парни как относятся? Не обижают?

– Нет, – говорю. Ну в самом деле, не жаловаться же. Что происходит вообще?

– Это хорошо. Я вот зачем позвал тебя... – Он немного помолчал. – Ты как, подарки любишь?

Смотрю на Грола, как на идиота. Какие подарки? Ты что несёшь? Эти вопросы, скорее всего, легко читались в моих глазах, но, естественно, вслух я их не произносила. Да и вообще, если не знаешь, что говорить, лучше многозначительно молчать. Ну, или просто молчать. Всяко лучше, чем нести чепуху.

– Однако подарки позже. Сначала кое-что хочу проверить. Ты ведь обратила внимание, что на экзамене я не спросил, чему ты научилась у Дена?

Киваю. Сложно такое не заметить. А вот насчёт «научилась у Дена»... Это ты, дядя, врёшь! Да, он показывал упражнения, но потом всегда уходил. Не находился рядом во время тренировок, не поправлял, если делала что-то неправильно, не объяснял, когда непонятно... Ничего не делал. До всего нам со Шнырём самим доходить приходилось. Тоже мне, учитель. Но снова молчу. Держу личное мнение при себе.

– А он тебя хвалит, между прочим. Говорит, талант у тебя. Покажешь?

Киваю. И вот за этим меня сюда позвали? Больные, что ли?

– Смотри туда.

Учитель пальцем тычет в стену напротив той, у которой стоят стул, сумка и манекен. Я уже давно заметила странную конструкцию, стоявшую там, куда показывает начальство. Что-то непонятное, собранное из труб. Ну, некий каркас такой, на который со стороны, обращённой к нам, натянута тряпка тёмно-синего цвета. Что там за ней, не видно: ткань плотная, не просвечивает совсем, да и свет с нашей стороны.

Но что самое странное, тряпка изредка подергивается, будто бы там, за ней, что-то есть или сквозняк её колышет. Однако движение воздуха в комнате не ощущается. Вернее,

оно есть, вентиляция вовсю гудит, создавая приличный шумовой фон, но прямо вот ветра, чтобы колыхать тряпку, не заметила. Короче, заглянуть не разрешали, а так не видно. Непонятно, но ладно. На этом, своеобразном таком полотне белым коряво нарисована человеческая фигура. Без особых подробностей, просто силуэт.

– Метательные ножи в сумке, Цыпа. Покажи, что умеешь.

Беру стразу все. Их шесть, удобных для метания. Чего тут уметь? Задание легче лёгкого. Становлюсь напротив импровизированной мишени.

– Левый бицепс! – звучит команда.

Бросок. Нож в нужном месте протыкает ткань. И вроде бы она трясётся сильнее, чем должна была при попадании? А может, показалось. Ладно. Чай не на выставке. Тем более думать некогда. Уже звучит следующая команда:

– Правый бицепс!

Снова точное попадание. Легкотня какая.

– Печень!

Бросок.

– Почка!

Вот гад. Их же две, в какую метать? Мысли вихрем проносятся в голове. Ладно, чтобы не облажаться, метаю два клинка по очереди, один за другим. Тряпка продолжает трястись даже после того, как ножи уже пробили её. И главное, почти не слышно, куда попадают. Ну точь-в-точь как если бы метала в манекен или живого человека. Ведь уже давно знакомое

по тренировкам учебное пособие в точности симулирует поведение живых тканей...

Глава 8

Челюсть отвалилась. Со стороны себя не видела, конечно, но, предполагаю, глаза тоже стали размером с чайное блюдце каждый. Я заметила, как на и без того тёмном полотнище расплывается ещё более тёмное пятно. Да и снизу, на полу, откуда-то из-под конструкции, появилась тёмно-красная струйка – то-о-оненькая. Маленький такой ручеёк. Кстати, тряпка перестала дёргаться, а до меня стало мало-помалу доходить, что вот это совсем не какая-то там проверка способностей ученицы. Всё гораздо страшнее на самом деле.

И конечно же, мои догадки подтвердились...

– Отлично, Цыпа! – оценил мои действия Грол и даже как-то по-стариковски всплеснул руками: вроде безмерно счастлив за собственную внучку, которая только что наконец-то сделала первый в своей жизни шаг.

Не знаю, что он там себе чувствовал и думал, но первый шаг в тот день я действительно сделала. Шаг вопиющий и страшный. Учитель же прямо-таки театральным жестом махнул Дену. Тот подошёл к конструкции, что-то там с ней сделал, и натянутое полотнище тёмно-синего цвета упало на пол.

Ком застрял у меня в горле. На раме висел человек. Распятый человек. Впрочем, контур тела, в который я метала ножи, изначально показался странным. Помню, подумалось

тогда, что люди так не ходят. Ну, с растопыренными в стороны руками не ходят. Но мысль о несуразности изображения как появилась, так и ускользнула: не до раздумий было, ситуация к вдумчивому анализу не располагала. Да и, собственно, много ли вообще думают дети в восьмилетнем возрасте с небольшим гаком? Какие там мысли? И хотя, в отличие от нормальных детей, думать, невзирая на возраст, меня сама жизнь заставляла, всё равно думалось почему-то мало.

Я ждала чего угодно от этой встречи с Учителем, даже собственную смерть предполагала, хоть и не верила. Действительность же снова превзошла любые ожидания. Дело-то вон как обернулось. Силуэт на полотнище повторял положение жертвы. Потому и колыхалась тряпка: он же дёргался при попадании ножей, хотя и прикручен был к каркасу намертво, чтобы исключить такую возможность. Ведь если б его подвесили так, чтобы он был не в состоянии воздействовать на полотно, то есть слишком далеко, мог бы случиться перекрут ножа. Метала же, ориентируясь на тряпку, а не на тело, распятое за ней.

Человек, к слову, был ещё жив, и я его узнала. Это был тот самый Зак, который держал Шныря на пере, требуя вернуть деньги. И, честно говоря, мечты поквитаться с ним мою голову не раз посещали. Но чтобы так? Нет! Даже в кошмарах своих такого ужаса не видела.

Он ведь, наверное, ещё и мычал от боли, когда в него, живого, пронзая тряпку, втыкались мои ножи. А я не слышала.

Вот вообще. Может, если б знала, что он там, так специально бы прислушивалась и тогда, возможно, что-то смогла бы различить. К тому же сильно гудит вентиляция, как приточная, так и вытяжная, откуда-то из зала продаж магазина доносится громкая музыка (я там голографическую панель видела), плюс учитель постоянно бубнит мне. Захочешь услышать слабые стоны – хрен услышишь. К тому же могли ещё накачать какой-то химией, чтобы не орал громко, ну и моё состояние учитывайте.

Рослый парень обвис, потеряв сознание, но ещё дышал, натужно и со всхлипываниями даже. Через нос дышал, потому что рот был заткнут. Но что такое рот, когда у каждого человека его возраста имеется нейросеть? Отправить сообщение в полицию или своим людям, которые смогут выручить, можно на раз-два. Грол что, не понимает? Ведь скоро тут будет не протолкнуться от стражей правопорядка. Или он решил убийство на меня повесить? Зак ещё не сдох, это верно, однако и не жилец уже. Из лекций по анатомии помнила: если кровь тёмная идёт, значит, без срочной медицинской помощи хана. А тут что-то не заметно суеты по оказанию реанимационных услуг. С пробитой печенью и почками долго не живут. Да что творится-то?!

И вдруг:

– Добей!

Команда звучит неожиданно. Как удар хлыста или звонкая пощёчина. Голос учителя страшен. Мне тоже не по се-

бе, мягко говоря. Руки трясутся, саму всю колотит. Никак не получается совладать с собственным телом. Да и как бы объяснить... В общем, одно дело – метать ножи в мишень и совсем другое – в живого человека. Согласна, в мечтах своих наивных я этого Зака, убивала уже много раз и по-всякому. Каждая его следующая смерть была более жестокой, чем предыдущая. Но то в мечтах. Тут же надо было убить по-настоящему. Естественно, я медлила и даже вроде бы что-то мямлить пыталась.

Вот только Грол был неумолим, и происходящее, чем бы оно ни было, точно не просто демонстрация моих умений.

– ДОБИТЬ!!!

Новый приказ вроде пинка под задницу – для приведения мыслей в порядок и ускорения. Прозвучало так, что я не посмела послушаться. Рука сама, практически без моего участия, закрутила последний из шести ножей, отправив его в короткий полёт. Соглашусь с тем, что силёнок тогда было мало, зато ножи тяжёлые. Относительно, конечно, но веса хватало, чтобы пробить человеческую плоть. Она ведь, плоть эта, такая податливая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.